

Послание моим итальянским друзьям по поводу рабочего съезда, созванного в Риме на 1 ноября 1871 г. Мадзинистской партией

1922, источник: [здесь](#), издание: «Голос труда». Петербург-Москва. «Дорогие друзья, Тот, кто читал поистине вероломное письмо, адресованное Мадзини представителям рабочих на Римском съезде, должен был понять, если он мог еще сомневаться до сих пор, что съезд этот был созван по наущению Мадзини, чтобы совершить целый переворот, не революционный, против системы правления, существующей ныне в Италии, но реакционный против новых идей и новых стремлений, которые, со времени славного и богатого опытом восстания Парижской Коммуны, начали вызывать заметное брожение среди пролетариата и молодежи Италии...»

Дорогие друзья,

Тот, кто читал поистине вероломное письмо, адресованное Мадзини представителям рабочих на Римском съезде [1], должен был понять, если он мог еще сомневаться до сих пор, что съезд этот был созван по наущению Мадзини, чтобы совершить целый переворот, не революционный, против системы правления, существующей ныне в Италии, но реакционный против новых идей и новых стремлений, которые, со времени славного и богатого опытом восстания Парижской Коммуны, начали вызывать заметное брожение среди пролетариата и молодежи Италии.

Нужно ли вам объяснять, как и почему Мадзини ненавидит эти идеи? Он достаточно сам говорил об этом во всех своих статьях, печатанных им в Roma del Popolo, в которых он сознательно клеветал на Парижскую Коммуну и на наше прекрасное великое Международное Товарищество Рабочих, принципы и действия которого – выражение

стремлений народных масс Европы и Америки, – естественно противоречат установлению в Италии его теократической, авторитарной и централизованной Республики.

Мадзини, очевидно, испугался нового движения, которое происходит в настоящее время в Италии. Напрасно он нападал на него в своих статьях с известной вам несправедливой и неистовой страстью, удивившей и опечалившей даже его сторонников и самых близких друзей. Он превзошел в своих оскорблениях и клеветах сами версальские официальные газеты.

Он одно время надеялся, что его крупный авторитет и имя достаточны, чтобы остановить это спасительное и неизбежное движение, которое толкает ныне все живое в Италии, т. е. пролетариат и наиболее умную, наиболее благородную часть молодежи, присоединить свои усилия к усилиям единственной организации, представляющей революционное движение Европы и Америки и не имеющей иной цели, кроме действительного и полного освобождения масс. Я говорю о Международном Товариществе Рабочих, которое объединяет в братский союз революционных социалистов всех стран и которое в настоящий момент насчитывает в своих рядах миллионы членов.

Против него борются в настоящее время все правительства и все духовные и мирские представители реакционных политических и экономических интересов в Европе. С не меньшим остервенением борется против него и Мадзини, потому что существование и невероятный рост Интернационала разрушают и рассеивают все его мечты; потому что он видит, что в его мессианскую и классическую Италию вторгается чужеземное варварство; потому что он хочет воздвигнуть вокруг нее стену, не китайскую, а теологическую, чтобы изолировать ее от всего мира, дабы иметь возможность дать ей «национальное воспитание», основанное исключительно на принципах его новой религии, и которое одно может сделать ее способной исполнить в третий раз в течение своей истории религиозную и мировую миссию, какую определил ей Господь Бог.

Но оставим шутки, дело очень серьезное.

Видя, что его статьи недостаточны, чтобы остановить грозный поток, Мадзини придумал другое средство; и по приказу из Рима несколько итальянских областей послали Пророку и Учителю адреса, в которых они соглашались с его выступлением и осуждали, как и Мадзини, Париж и Коммуну.

Это был прискорбный факт, целый скандал: итальянские рабочие, отрекающиеся от международной солидарности с своими товарищами по нищете, рабству и страданиям и клеветавшие на благородных борцов, мучеников Парижской Коммуны, которые совершали свою революцию ради всеобщего освобождения; и это в тот самый момент, когда версальские палачи сотнями расстреливали их и тысячами сажали в тюрьмы, оскорбляли, мучили, не щадя ни женщин ни детей. Если бы эти адреса были верным выражением чувств итальянского пролетариата, это было бы позором, который итальянский пролетариат никогда не мог бы смыть с себя и который заставил бы отчаяться в будущем этой страны. К счастью, это не так, ибо все знают, каким образом были сфабрикованы эти адреса.

Это было лишь повторением того, что произошло в России в 1863 г. во время последнего польского восстания. Петербургские и московские так называемые патриотические газеты проклинали польское восстание, как мадзинистские газеты проклинали восстание Парижской Коммуны. Они указывали на союз всех революционеров Европы, поддерживавших Польшу; как теперь мадзинистские газеты указывают на Интернационал, который поддерживал Парижскую Коммуну и который даже, когда версальские теологи убили ее, имел величественное мужество громко выразить в наименее свободных странах, как Германия, при военном победоносном правительстве Бисмарка, свои горячие симпатии принципам и героям Коммуны.

Один только итальянский пролетариат молчал; или если и говорил, то против Коммуны и против Интернационала. Но это не он говорил: это официальный мадзиньянский мир осмелился оскорблять и клеветать от его имени.

Как в России, в 1863 г., адреса, составленные в высших сферах и полные ругательств, направленных против несчастных, но всегда героических поляков и благословений царю, были отправлены во все города, волости и деревни с наставлениями властям и священникам как-нибудь заставить подписать их народ; так и в 1871 г. Рим, ставший центром двойного иезуитизма, – иезуитизма папы и иезуитизма Мадзини, – разослал наставления всему официальному мадзинистскому персоналу, рассеянному по всем городам Италии, внушить, продиктовать всем рабочим организациям адреса, наполненные ругательствами против Коммуны и Интернационала и благословениями Мадзини. Несколько организаций подписали эти адреса, не отдавая себе отчета в том, что они делали.

Но эти единичные и в очень небольшом количестве адреса не произвели никакого действия. Они не встретили отклика и остались погребенными в мадзинистских газетах, которые сами сторонники Мадзини читают скорее по обязанности, чем ради удовольствия. Тогда Мадзини задумал великий план, который, если он удастся, обеспечит, конечно, по крайней мере на некоторое время, ему и его реакционным, губительным для свободы идеям нечто в роде диктаторской власти в Италии. План его таков:

Созвать в Риме, – будущей столице мира, – к 1-му ноября съезд представителей от рабочих всей Италии. Благодаря интригам мадзинистов, рассеянных по всем городам Италии и везде более или менее влиятельным, – интригам, которые бессильны отныне поднять Италию, но еще в состоянии благоприятствовать всюду реакции, будут сделаны и уже делаются неслыханные усилия, чтобы делегаты, посланные в Рим рабочими организациями, согласились признать диктатуру Мадзини. Таким способом надеются составить мадзинистский съезд, который от имени двенадцати тысяч итальянских рабочих должен будет предать анафеме Парижскую Коммуну и Интернационал, провозгласить «Национальную мысль», программу Мадзини, и назначить «Руководящую Комиссию», нечто вроде правительства итальянского, пролетариата, составленную из мадзинистов, наиболее слепо преданных и подчиненных абсолютной диктатуре Мадзини. Тогда пророк и его партия, опираясь на это торжественное народное признание их, предпишут, – не итальянскому правительству, перед которым они будут более безоружными и бессильными, чем когда либо, но итальянской молодежи, мятежникам свободной мысли, настоящим революционерам, атеистам, итальянским социалистам, склонить голову пред этой

«национальной мыслью», под страхом быть обвиненными в восстании против воли народа и измены отечеству. Вот опасность, угрожающая вам. Я прекрасно знаю, что она не так велика для вас, как это воображает Мадзини. Я знаю, что он слишком ошибается, как и всегда, относительно последствий этого съезда, даже если предположить, что результат его будет вполне благоприятным для него.

Действительно, предположим, что все произойдет так, как он этого желает, все, что будет сделано в Риме, будет лишь фикцией, и итальянская действительность, несколько не изменившись, будет по-прежнему совершенно обратной мадзинистским мечтаниям.

Возможно, наоборот, что после этого съезда, благодаря некоторого рода естественной реакции, революционно-социалистическое движение станет еще сильнее в Италии.

Но отсюда не следует, что мы должны покориться философски торжеству, даже временному, Мадзини. Во-первых, это торжество может длиться слишком долго, а затем, вообще, «никогда не надо позволять своим врагам торжествовать, когда имеешь возможность помешать им это, или, по крайней мере, уменьшить их торжество». Борьба смертным боем со своим противником, не давать ему ни покоя ни отдыха есть доказательство энергии, жизненности и нравственности, какие обязана иметь всякая живая партия, как по отношению к самой себе, так и по отношению ко всем своим друзьям. Партия достойна жить, и способна победить только при этом условии. Наконец, есть другое соображение, гораздо более важное, и которое должно заставить всех наших друзей ехать в Рим, чтобы бороться против Мадзини, против его клевет и его вредного учения: это пагубное действие, какое этот съезд итальянского пролетариата, если он будет проведен согласно желаниям Мадзини, не преминет произвести за пределами Италии на революционный пролетариат всего мира.

Италия, представленная на этот раз не правительством, не официальными и привилегированными классами, а рабочими представителями народа, опозорит себя, публично приняв сторону реакции против революции.

Представьте себе, что должны будут почувствовать революционные социалисты всех стран, когда они узнают, что этот народный съезд оскорбил и проклял Коммуну и Интернационал и что, осудив Италию осуществить идеи Мадзини, он решил сделать из нее новый теологический Китай в Европе!

Вот, чему надо помешать, чему вы должны помешать. Я скажу вам потом, как вы можете и должны будете сделать это; а пока рассмотрим послание Мадзини. Я никогда не читал ничего более вкрадчивого, более иезуитского, чем это послание. Оно начинается с уверения в уважении к воле и самостоятельности мысли народа.

Я не присваиваю себе права, – говорит Мадзини, – управлять вами и выступать за вас (ложь! все это послание стремится к этой цели); слишком много людей говорят ныне от вашего имени и повторяют высокомерную русскую фразу: «Нужно научить рабочего, что он должен хотеть» (клевета! ни один русский социалист никогда не говорил этого, ни один революционный социалист не мог этого говорить. Это Мадзини, а не мы, преподает

«обязанности», т. е. учит, что надо хотеть). Но мне кажется, – продолжает он (слушайте!), – что я могу сказать вам, чего хорошая и искренно итальянская часть нации и ждет от вас.

Что вы скажете на это? Можно ли быть большим иезуитом, более лукавым? Мадзини не хочет управлять рабочими; но в то же время он объявляет им, чего хорошие и искренние итальянцы ждут от них.

Не правда ли, это значит заранее заявить, что, если резолюции съезда будут противоположны тому, чего хотят от него эти «хорошие» или даже только будут отличаться от того, чего они ждут, они будут дурными и анти-итальянскими. Но что же подразумевает он под словом «управлять»?

И какая эта «хорошая, и искренняя итальянская» часть народа, от имени которой он чувствует себя в праве говорить?

Это не может быть, конечно, итальянский пролетариат, так как рабочие делегаты на съезде должны знать его стремления и желания гораздо лучше, чем Мадзини. Следовательно, это должна быть итальянская буржуазия, если только это не исключительно мадзинистская партия, т. е. сам Мадзини.

Послушаем советы Мадзини:

Вы должны, – говорит он, – ратифицировать снова ваш договор и учредить, как представительницу его, такую власть, которая обладала бы условием действительной, мощной и длительной жизни. И это самое важное, что вы могли бы сделать. (Еще бы. Власть, уничтожающая всякую свободу! Вот по крайней мере, чистый мадзинизм!) С того дня, как вы сделаете это, начнется коллективная жизнь итальянских рабочих.

Стало быть, коллективная жизнь не в народных массах, эти массы, по мнению Мадзини, лишь механический агрегат личностей, общественность существует только у власти и может быть представлена только ею. Мы постоянно наталкиваемся на эту проклятую фикцию государства, которое поглощает, и сосредоточивает в себе естественную коллективную жизнь народа и которое по этому самому, вероятно, и считается ее представителем, как Сатурн представлял своих сыновей, по мере того как он пожирал их.

Таким образом, продолжает Мадзини, вы создадите орудие, чтобы при помощи его дружно идти вперед. (Т. е. вы создадите себе начальство, которому исключительно будет принадлежать всякая инициатива и без позволения которого вы не сможете сделать ни одного шага. Вы превратите всех итальянских рабочих в пассивное и слепое орудие в руках Пророка). И вы сможете тогда (но только тогда, и это понятно) создать связь с своими братьями других стран, которую мы все желаем и хотим (кто все? мадзинисты при помощи смешной, потому что бессильной системы, установленной Республиканским Союзом Мадзини – *Alleanza Repubblicana*), но связь, признанную национальной концепцией (т. е. союз, заключенный и признанный исключительно центральной властью, против всей рабочей массы), и не входя в качестве отдельных личностей или небольших групп в огромные иностранные, плохо организованные общества (тут речь идет об Интернационале), которые начинают вам говорить о свободе, чтобы неизбежно прийти к анархии и деспотизму центра

и города, в котором находится этот центр. (Анархия, это мы, сторонники уничтожения государства в Интернационале; деспотизм – немцы в Интернационале и Лондонский Генеральный Совет, сторонники централизации народного государства).

Мадзини любит деспотизм, он слишком пророк, слишком жрец, чтобы не обожать его; только, из уступая духу времени он называет его «свободой». Мадзини хочет римский деспотизм, но не лондонский; а мы не жрецы и не пророки и одинаково отвергаем как лондонский, так и римский деспотизм.

Весь этот параграф имеет главной целью сделать невозможным учреждение Интернационала в Италии. Он определенно запрещает как личностям, так и местным рабочим группам примыкать к Интернационалу, и установить прямую братскую связь с ним. Он дает это право только правящей и центральной власти, – благослови ее, Господи, и чорт ее побери! – которая будет установлена в Риме; что неизбежно приводит к уничтожению автономии инициативы, независимой жизни, мысли и действия, словом, свободы всех местных рабочих организаций и всех итальянских рабочих, взятых в отдельности.

Что касается связи с Интернационалом, то нечего опасаться, чтобы «Центральная Комиссия», руководимая Мадзини, заключила братский союз с этим «иностранным сообществом», которое проповедует принципы диаметрально противоположные принципам итальянского Пророка. Отсюда неизбежно последует абсолютное одиночество итальянского пролетариата, который будет находиться в стороне от огромного солидарного движения европейского и американского пролетариата.

Этого именно и хочет Мадзини. Это будет смертью Италии, но в то же время торжеством мадзинистского Бога.

Очевидно боясь, чтобы какие-нибудь анти-мадзинистские элементы, какая-нибудь социалистическая или атеистическая мысль не проникли на съезд, Мадзини принимает предосторожности. Он советует выработать прогрессистский порядок дня, – это слово «прогрессистский» в данном случае поистине смешно и употреблено здесь, очевидно, только для того, чтобы пустить пыль в глаза рабочим и повторить лишний раз одно из любимых выражений святейшей мадзинистской теологии, – итак, значит, прогрессистский порядок дня, который должен исключить из обсуждения съезда все религиозные, политические и социальные вопросы: Мадзини полагает, что он недостаточно еще магнетизировал итальянских рабочих и, следовательно, боится, что они уступят своим естественным инстинктам и примут сторону свободы против лжи мадзинистской теологии.

Пусть несколько человек среди вас, говорит он, составят прогрессистский порядок дня, который исключит из программы съезда до тех пор, пока не будет достигнута цель (т. е. учреждение мадзинистской диктатуры), всякие дискуссии по религиозным, политическим и социальным вопросам, по поводу которых съезд может ныне только выносить декларативные резолюции, легкомысленные и смешные по своему бессилию. Когда будет достигнута цель, когда будет закончена внутренняя организация вашего класса (абсолютное подчинение итальянских рабочих диктатуре Мадзини), вы будете обсуждать, если у вас будет время, какие вам угодно вопросы.

Это «если у вас будет время» прямо восхитительно. Еще один поистине изумительный фокус! И вся тактика Мадзини, как я докажу в ряде статей, предпринятых мною против него, есть не что иное, как сплошное мороченье, цель которого доставить торжество, при помощи всеобщего избирательного права и сила народных мускулов, теократической авторитарной системе, противной инстинктам, потребностям, всем стремлениям народа, и создать именем народа и за его счет орудие угнетения против него самого.

Если у вас не будет времени на то, вы предоставите Центральной Власти изучить вопросы, которые вы найдете важными.

Не достаточно ли это ясно? Все принципиальные вопросы будут решаться Центральной Комиссией, первым опытом мадзинистского Государства-Церкви. Народные массы, т. е. местные группы и организации, не должны ни рассуждать ни спорить: они должны повиноваться и верить. Жизнь всех, поглощенная и искаженная в центре, парализованная и бездейственная на всей периферии: так хочет Бог Мадзини, уничтожающий и пожирающий Италию.

Страна (читайте: буржуазия) смотрит на вас с тревогой, внимательно и сурово (я думаю, что у этой буржуазии суровый вид, раз она имеет своими представителями и ангелами-хранителями жандармов); если она встретит на вашем съезде, как на других съездах, имевших место за пределами Италии, бурю разнородных мнений (т. е. жизнь, энергию, страстную и живую мысль и волю, которые имелись у Италии в такой большой степени в эпоху ее наибольшего процветания, в средние века, когда она была жива), необузданно длинные речи (ложь! На съездах Интернационала никто не имеет права говорить больше четверти часа и больше двух раз по одному и тому же вопросу), бесполезные и по поводу вопросов, обсуждаемых поверхностно (опять ложь! Обо всех вопросах, обсуждаемых на наших съездах, Генеральный Совет извещает за три месяца до съезда, предварительно сговорившись со всеми нациями; потом местные организации во всех странах изучают и обсуждают эти вопросы в продолжение трех месяцев, так что делегаты их являются на съезд почти всегда с императивными мандатами. Запретить местным организациям и народным съездам обсуждать самые важные и самые жизненные вопросы, это, значит, объявить – что, впрочем согласно программы Мадзини, – что народ неспособен их понять и что он должен полагаться на решения святейшей власти), страна (т. е. буржуазия, сброд подлых привилегированных, которые обирают и угнетают народ), считая вас за совершенно неопытных и непредусмотрительных, найдет преждевременными (т. е. очень опасными для своих привилегий) выдвигаемые вами пути.

Но то, что следует дальше, поистине великолепно и показывает нам степень иезуитизма Мадзини. Запретив съезду обсуждать религиозные, политические и социальные вопросы, и все это с явным намерением помешать анти-мадзинистам выразить свои идеи, он рекомендует делегатам съезда сделать два «маленьких заявления», которые должны сразу разрешить эти вопросы в исключительно мадзинистском смысле. Это верх политической и теологической ловкости! Слушайте:

Только два заявления, мне кажется, требуются, как введение и общая инструкция власти, которую вы изберете (и которая давно уже готова в голове тайного мадзинистского

комитета. Какой иезуитизм! Общая инструкция, которую мадзинистская власть сама составила посредством мадзинистского съезда! Можно ли смеяться с большим бесстыдством над народным простодушием? Политический деспотизм вместе с религиозным лицемерием – настоящая тактика Тартюфа!) необычайными обстоятельствами, в каких находится большая часть Европы. (Речь идет, стало быть, о том, чтобы противопоставить Италию, как реакционную преграду революционному движению Европы. Но тогда все европейские монархи поспешат заказать портрет Мадзини, и после его смерти святая католическая церковь будет поклоняться ему, как святому).

Не надо создавать себе иллюзий! Страна (буржуазия, Consorteria), которая начинала благосклонно относиться к успехам вашего движения (где и когда буржуазия показала эту благосклонность? Может быть, когда Consorteria и правительство ввели своих верных людей или свои клеатуры, – префектов, полицейских, титулованную сволочь, официальную или официозную, – в качестве почетных членов во все рабочие организации Италии? Помимо этого систематического развращения рабочих организаций, какую другую благосклонность оказывали им? Никакой, и Мадзини прекрасно это знает. Почему же он лжет?) и подвергать внимательному анализу все, что писалось нами и другими в пользу справедливого и неизбежного поднятия вашего социального положения (еще бесстыдная, гнусная ложь. Разве не знают все в Италии, что официальные лица и итальянская буржуазия, и сам Мадзини вместе с ними, начали заниматься социальным вопросом только со времени восстания Парижской Коммуны и только благодаря спасительному ужасу, какой возрастающее развитие Интернационала внушает всем привилегированным? Если бы весь социализм ограничивался жалкими писаниями Мадзини, в высшей степени анти-социалистическими, полными обманчивых обещаний для народа и действительного утешения для богатых буржуа, никто не обратил бы внимания на движение пролетариата, как никто не обращал на него внимания раньше. И Мадзини осмеливается требовать для себя и для своих честь за то, что, обязано единственно действию Коммуны и Интернационала, против которых он борется! Подлинная натура теолога!), со времени последних французских событий (которые – одни только пробудили, не нравственный интерес, но пораженное ужасом внимание «страны» к пролетарскому вопросу) с ужасом отворачивается от вас и расположена в данный момент поддержать глупую и безнравственную теорию сопротивления, более или менее принятую, в ущерб вам, всеми правительствами.

Теперь ясно видно, что Мадзини называет «страной» привилегированный класс, так как он сознается, что эта «страна» начинает подло склоняться на сторону правительственной реакции. И это об этой то официальной «стране» Мадзини осмеливается сказать: «Страна тревожно и внимательно смотрит на вас»? И для того, чтобы отвратить от себя суровый жандармский гнев этой низкой сволочи, которая для Мадзини составляет страну и чьим представителем он сам теперь является, итальянский пролетариат должен отречься от своих братьев Парижской Коммуны и Интернационала, героизм и сила которых вывели, наконец, буржуа из их презрительного равнодушия? И ради чего это? Для того, чтобы, принять мадзинистский социализм, вернуть буржуазии, потерянную ею самоуверенность, которая ей необходима для того, чтобы спокойно пользоваться своими привилегиями. Поистине, не разберешь, где гнусное где смешное в этих словах Мадзини!

Дикое вторжение, я не скажу учений, а произвольных и нерациональных отрицаний русских, немецких, французских демагогов явилось возвестить миру, что для того чтобы быть счастливым Человечество должно жить без Бога, без Отечества, без личной собственности и, для более последовательных и более смелых, без коллективной святости семьи под сению муниципалитета каждой коммуны; и эти отрицания, благодаря ли безумному желанию новизны или обаянию силы, проявленной парижскими сектантами, встретили отголосок в меньшинстве нашей молодежи.

Вот форменный донос пролетариату на избранную часть итальянской молодежи. Намерение ясно. Раз эта молодежь не хочет больше служить органом для пропаганды мадзинистских идей, Мадзини старается дискредитировать ее, рисуя ее, как атеистов, анти-патриотов, врагов частной собственности, семьи и т. д. не замечая, даже не подозревая, что эти идеи уже назревают с некоторых пор в пролетарских массах и что они будут развиваться все больше и больше. И все это для того, чтобы помешать единственному, что может спасти Италию, союзу этой молодежи с народом. Человечество смотрит и проходит мимо (какая красивая фраза! Кто же это Человечество, скажите на милость? Мадзини, Петрони, Саффи, Бруско и т. д.; только, они не «проходят мимо», но останавливаются, чтобы оскорбить и оклеветать нас), но нерешительная колеблющаяся, трясущаяся, легковверная буржуазия нашего времени («Страна») страшится малейшего призрака. Владеющая часть (А! А!) Страны, от крупного собственника до бедняка маленькой лавченки, начинают подозревать во всяком рабочем движении угрозу капиталу (и она права подозревать его в этом, потому что освобождение пролетариата невозможно без радикальной перемены в отношениях между капиталом и трудом), являющемуся иногда результатом наследства, чаще всего заработанному своим трудом! если только этот труд не состоял в эксплуатации труда пролетариата; но в таком случае, банкиры, жулики и разбойники также работают, и работают усердно, и депутаты в парламенте также ревностные работники), и она имеет право быть успокоенной.

Мадзини, очевидно, взял на себя эту задачу, и он выполняет ее очень хорошо! настолько хорошо, что до тех пор, пока рабочие массы будут находиться под его руководством, буржуазия может спокойно спать. Но за то, и в силу этого именно, рабочий будет оставаться жалким рабом, единственным утешением которого будут векселя на небесное блаженство, которые даст ему Мадзини!

Но я знаю, – продолжает он, – что эти безрассудные теории не ваши (он все знает, этот святой!) и поэтому я говорю вам: Важно для успеха вашего восходящего (к мадзинистской нелепости) движения и для Страны (нерешительной, колеблющейся и трясущейся буржуазии!), чтобы вы заявили об этом, важно, чтобы все знали, что вы не идете вместе с людьми, которые проповедуют эти теории (т. е. с Парижской Коммуной, с Интернационалом и с этой сознательной, и благородной частью итальянской молодежи, которая одна только, без всякой задней мысли, посвятила себя народному делу; и чтобы народ слепо, глупо, реакционно, как бы решившись на чудовищное самоубийство, бросился в святые реакционные объятия Мадзини, осудив себя и своих сыновей вместе с собой на вечные нищету и рабство), что вы верите в священное слово «Долг» (т. е. во всю мадзинистскую теологию с его лживым социализмом), что вы стремитесь подготовить будущее, а не разрушить путем насилия настоящее (насилие допускается только для свержения

существующего правительства, для того чтобы заменить его мадзинистским правительством).

И во втором заявлении, заключающемся уже в вашем братском договоре, вы должны по моему, еще раз подтвердить что вы не разделяете экономическую проблему от нравственной (Интернационал так мало разделяет обе эти проблемы, что он провозглашает вторую, как нераздельное и непосредственное следствие первой) что вы чувствуете себя прежде всего итальянцами (следовало бы сказать, что будучи итальянцами, чего никто не может отрицать, вы чувствуете себя и хотите быть прежде всего людьми); что, хотя вынужденные обстоятельства заниматься главным образом улучшением условий своего класса (вот весь социализм Мадзини) вы не можете и не хотите оставаться чуждыми и индифферентными всем великим вопросам, обнимающим всех ваших братьев (буржуа) и общий прогресс Италии.

Поэтому, вероятно, Мадзини запрещает рабочему съезду обсуждать великие религиозные и политические вопросы. На первый взгляд это второе заявление, предлагаемое Мадзини, не представляет ничего неразумного; но присмотревшись к нему ближе, вы открываете в нем новую западню. Какие это великие вопросы, которые он ставит вне экономического вопроса, как будто бы они были совершенно чужды последнему и как будто бы они должны интересоваться другие классы больше, чем рабочие массы?

Это религиозный вопрос и вопрос политический; но, отдельно от экономического вопроса, эти два вопроса могут быть разрешены только против пролетариата, как это всегда бывало в действительности до сих пор.

Интернационал обсуждает эти вопросы, и Мадзини не может простить ему такую дерзость; но Интернационал обсуждает их, как вопросы нераздельные от экономического вопроса, и отсюда проистекает то, что он разрешает их в пользу пролетариата.

Интернационал не отвергает вообще политики; он необходимо должен будет вмешиваться в политику, пока он принужден будет бороться против буржуазного класса. Он отвергает только буржуазную политику и буржуазную религию, потому что первая устанавливает грабительское господство буржуазии, а вторая ее санкционирует и освящает. Буржуазия священна. Мадзини хочет запрячь пролетариат в колесницу буржуазной политики, а этого то мы и не хотим совершенно.

Но, продолжает Мадзини, когда снова будет подтвержден братский договор и сделаны будут эти два заявления, из которых одно вас отгораживает от зла (от Коммуны, от Интернационала, от мировой революции), а другое связывает вашу судьбу с судьбами Италии (с авторитарной, теологической и буржуазной политикой), вы заботливо займетесь, надеюсь, внутренней организацией.

Составьте в Риме Центральную Правящую Комиссию (правительство, Государство – Церковь пролетариата) из пяти рабочих, взятых среди лучших из вас.

Изберите Совет, составленный из тридцати или больше членов, выбранных среди делегатов различных местностей, представленных на съезде и присоединившихся к договору, которым

будет поручено следить, каждому из того города, где он живет, за действиями Центральной Комиссии.

Не находите ли вы, что это будет очень серьезный надзор? Центральная Комиссия, снабженная полномочиями для разрешения всех вопросов, даже принципиальных, чуть ли не диктатура, обретающаяся в Риме; и для наблюдения за ней Совет, состоящий из несколько десятков рабочих, рассеянных по всем городам Италии, и лишенных, стало быть, всякой возможности сговориться между собою. Правда, для решения наиболее важных вопросов Центральная Комиссия обязана созывать их, но так как созыв будет обходиться дорого и так как рабочие вообще и итальянские рабочие в частности не богаты, то ясно, что Совет никогда не будет созываться. Мадзини предоставляет Совету право в текущих делах вносить предложения, если, однако, инициатива их будет исходить от определенного числа членов Совета, что предполагает постоянную переписку между ними, невозможную для рабочих. Ясно, что все, что Мадзини предлагает для того, чтобы ограничить диктаторскую власть Центральной Комиссии и следить за ней, смешно, и диктатура остается во всей ее полноте.

Мадзини предлагает, кроме того, создание еженедельной газеты, руководимой Комиссией, и официального органа, содержащего труды и пожелания рабочего класса (т. е. основание газеты, посредством которой, от имени итальянских рабочих, Мадзини будет навязывать итальянской демократии свою теологическую политику, как национальную мысль).

Такова, по моему мнению, заключает Мадзини, должна быть в настоящий момент ваша задача. Моя задача, если вы изберете комиссию, будет вручить ей отчет (а почему не Съезду?) о подписке, открытой мной в пользу вас, и представить ей соображения, какие продиктуют мне мое сердце и ум.

Вот последнее слово: Мадзини диктатор, и в его руках весь рабочий класс Италии, скованный, парализованный, уничтоженный в пользу Центральной Комиссии, которая сама будет управляться Мадзини и станет орудием теократической республиканской реакции.

Наконец, идут священные фразы с существительными Любовь и глаголом Любить, склоняемых и спрягаемых на различные манеры, и фокус проделан.

Но, не надо забывать, дорогие друзья, что я обвинил и обвиняю еще Мадзини в обмане, но не как личность, а как политика и теолога. Как личность, Мадзини остается по прежнему самым чистым незапятнанным человеком, неспособным сделать малейшую вещь не только несправедливую и низкую, но даже общедозволенную ради удовлетворения своих личных интересов, тщеславия или личного, честолюбия. Но как политический деятель, как теолог, это самый отъявленный плут, быть может, потому что политика и теология не могут существовать без плутовства. Он считает, стало быть, нужным принести эту жертву ради торжества своего Бога.

Резюмируем в нескольких словах его предложения рабочим Италии:

1. Он предлагает им опозорить себя и отделиться от всего мира, отмежеваться от революции, предав торжественно анафеме Парижскую Коммуну и Интернационал. В

вознаграждение за это он не позволяет им даже, заметьте, высказаться за Республику и навязывает им эту двусмысленную фразу – «они должны держаться в стороне от всех великих политических и нравственных вопросов, волнующих страну»;

2. Он предлагает рабочим Италии самим уничтожить себя, отказавшись от своих мыслей, от своей жизни в пользу Центральной Комиссии, которая будет управляться исключительно Мадзини.

Последствия:

а) Римский съезд опозорит Италию и бросит ее в сторону реакции против революции;

б) Он выроет пропасть между передовой и революционной молодежью и пролетариатом Италии во вред обоим;

в) Он парализует всякое идейное движение, и всякую деятельность, всякое проявление самостоятельной жизни внутри рабочих масс, так как движение и жизнь возможны только там, где существует полная независимость местных рабочих товариществ: а внутренняя организация, предлагаемая Мадзини, не имеет, очевидно, иной цели, как разрушить эту независимость и, создать чудовищную диктаторскую власть, сосредоточенную в Риме в его руках. Местная рабочая организация не сможет, стало быть, отныне ни предпринять что либо, ни обсуждать, ни хотеть, ни думать без позволения этой пагубной центральной власти. Она не будет даже иметь право что либо предлагать центру, так как это право принадлежит исключительно тридцати членам Совета Надзора. Еще меньше она будет иметь право, я не говорю войти в прямые и непосредственные сношения с рабочими организациями других стран, но даже выразить им свою симпатию; так как это право принадлежит только Исполнительной Комиссии, и Интернационал будет предан анафеме Римским Съездом. Что же останется на долю местных рабочих организаций? Ничтожество, извращенность, смерть. Они смогут, конечно, как в прошлом, забавляться небольшой взаимопомощью и попытками производительной и потребительной кооперации, которые в конце концов вызовут в них отвращение ко всяким товариществам;

г) Но, взамен, съезд этот даст Мадзини большую силу, по крайней мере временную, потому что главная цель его превратить всю рабочую массу Италии в пассивное и слепое орудие в руках мадзинистской партии, чтобы изгнать из итальянской молодежи свободную мысль и революционную деятельность. Это последнее слово этого съезда.

А теперь я спрашиваю себя: Допустит ли это итальянская молодежь?

Нет, она не может допустить это, не будучи изменницей, глупой и трусливой, не осудив себя на самое постыдное и смешное бессилие, не сделавшись соучастницей, по меньшей мере, преступления в оскорблении отечества и в оскорблении человечества.

До настоящего момента итальянская молодежь давала парализовать себя из уважения, конечно вполне законного, какое ей внушает великая личность Мадзини. Давно уже она отвергла религиозные теории Пророка; но она считала возможным отделить религию Мадзини от его политики. Она сказала себе: «Я отвергну его мистические фантазмагии,

но, тем не менее, я буду повиноваться его политическому руководству», не понимая, что вся политика Патриота всегда была и будет не чем иным, как практическим воплощением религиозной мысли Пророка.

В сущности, нет ничего общего между программой молодежи и пролетариата и мадзинистской программой. Первая имеет естественно свободу и развитие благоденствия в федерации, вторая ищет величие и могущество Государства в централизации, первая – социалистическая программа, вторая теологическая и буржуазная. Каким образом при столь различных целях могут быть одинаковыми методы и способы действия?

Мадзини прежде всего человек власти.

Он, конечно, хочет, чтобы «массы были счастливы», и он требует от власти, чтобы она сердечно занялась не только их воспитанием с точки зрения вечного идеала, но еще насколько возможно их материальным процветанием; но он хочет также, чтобы это материальное процветание шло сверху вниз, исходило от инициативы власти и распространялось на массы. Он признает за этими последними лишь способность и право выбирать, прямо или, косвенно, власть, которая должна управлять ими, право выбирать себе господина потому что он не понимает и никогда не поймет, чтобы массы могли жить без господина, без начальства.

Это противно всем его религиозным и политическим инстинктам, которые буржуазны. Я прекрасно знаю, что в его системе начальство это не личное, а коллективное, и члены этого правящего коллектива могут быть переменены и заменены другими, новыми членами. Все это может представлять очень большой интерес для лиц и классов, которые могут разумно стремиться рано или поздно быть призванными в ряды правительства; но для народа, для народных масс эти перемены никогда не будут иметь реального значения. Можно прекрасно переменить лиц, которые будут составлять или представлять коллективную власть республики; но власть, начальство, останутся всегда. Народ ненавидит инстинктивно начальство и имеет право его ненавидеть, потому что «Начальство» означает господство, а господство означает эксплуатацию. Природа человека такова, что если ему дадут возможность делать зло, т. е. вскармливать свое тщеславие, свое честолюбие, свою жадность, насчет другого, он это сделает. Мы, разумеется, искренние социалисты и революционеры; но если нам дадут власть и мы сохраним ее только в продолжении нескольких месяцев, мы не будем тем, чем мы являемся теперь. Как социалисты, мы убеждены, вы и я, что социальная среда, положение, условия существования сильнее ума и воли наиболее сильной и наиболее энергичной личности и поэтому мы требуем равенства, не естественного, а социального, личностей, как условия справедливости и как основы нравственности; и поэтому также мы ненавидим власть, всякую власть, как ее ненавидит народ.

Мадзини преклоняется пред властью, перед идеей власти, потому что он буржуа и теолог. Как теолог, он не понимает порядка, который бы не был установлен свыше; как политик или буржуа, он не допускает, чтобы в обществе мог быть поддержан порядок без активного вмешательства, без управления господствующего класса, буржуазии. Он хочет государство, значит, он хочет буржуазию. Он должен хотеть ее, и если бы современная буржуазия

перестала существовать, он должен был бы создать новую. Его непоследовательность состоит в том, что он хочет сохранить буржуазию и в то же время хочет, чтобы эта буржуазия не угнетала и не эксплуатировала народ; и он упорно не хочет понять, что буржуазия является господствующим классом и умственно развитой только потому, что она эксплуатирует и морит голодом народ; и что если народ будет богат и образован, как она, она не сможет больше господствовать, и не будет больше возможности для существования политического правления, потому что это правление превратится тогда в простую хозяйственную администрацию.

Мадзини не понимает ничего этого, потому что он идеалист, а идеализм состоит именно в том, что он никогда не понимает природы и реальных условий классов, а всегда извращает их, внося в них какую-нибудь излюбленную идею. Идеализм – деспот мысли, как политика – деспот воли. Одни только социализм и позитивная наука умеют уважать природу и свободу людей и вещей.

Мадзини, стало быть, контрреволюционер по своей натуре, по своим стремлениям чувствам и идеям; и он вправе упрекать молодежь в том, что она несправедливо обвиняет его, утверждая, что он изменился, что он противоречит теперь своим революционным доктринам. Нет, он не изменился, ибо он никогда не был революционером. Тем хуже для молодежи, если, ушедшая в мелочи постоянно проваливающегося мадзинистского заговора и довольствуясь словом «Республика», которая может означать также рабство, как и свободу народа и которая в мадзинистской системе есть совершенно обратное свободе, – она никогда не давала себе труда до настоящего момента изучить более серьезно писания Мадзини. Если бы она это сделала, она убедилась бы, что с самого начала своей пропаганды Мадзини был горячим теологом, т. е. безусловным противником действительного освобождения народных масс безусловным контрреволюционером.

Поэтому во всех движениях, которые он, я не скажу вызвал, – так как он в действительности не вызвал ни одного движения, и понятно почему, – но только предпринимал, Мадзини всегда тщательно избегал обращаться непосредственно с призывом к народным массам. Он согласился бы скорее подпасть под иго австрийцев и Бурбонов и даже папы, чем обратиться с призывом против них к пролетариату. И в этом, по моему твердому убеждению, заключается главная причина всех его печальных поражений. Давно пора отметить, что за исключением восстания Италии в 1848 г., столь славное начало которого и столь печальный конец обязаны были гораздо больше во-первых национальному чувству и во-вторых, поражению революции во Франции, чем мадзинистскому заговору, и за исключением еще победоносной войны Гарибальди в Сицилии и в Неаполе в 1860 г., – войны, успеху которой не был чужд, как вам известно, Кавур, – ни одно из движений, ни один поход и ни одно вооруженное восстание, инициатива которых принадлежала собственно Мадзини, никогда не удавалось.

Его величайшей заслугой является то, что он поддерживал в продолжение сорока лет священный огонь в итальянской молодежи, сформировал ее, не для революции, а для геройской и всегда неравной борьбы против политических угнетателей Италии, местных и чужеземных, – против врагов ее единства еще больше, чем ее свободы. В этом отношении, дорогие друзья, вы все его сыновья, или, скорее, его внуки, так как поколение его сыновей

почти исчезло, – одни умерли, другие живут, но развратились, и очень небольшое число остались нетронутыми, – и никто лучше меня не понимает глубокого чувства признательности и уважения, которые вы все испытываете по отношению к Мадзини.

Только я прошу вас заметить, что он всех вас воспитал и сформировал по своему образу и подобию: это уже много, в самом деле, что вы начинаете ныне, не без труда, становиться революционерами против него, и большинство из вас еще колеблется. Он учил вас бороться за Италию и презирать итальянский народ; не теологический и фиктивный народ, о котором он всегда говорит, но живые и реальные массы, нищенские и невежественные, и, «столь умные, однако, в своей нищете и своем невежестве».

Как вы ни молоды и пылки, политическая и так называемая революционная система, которую он привил вам, еще живет, как наследственная болезнь, в мозгу ваших костей, и чтобы изгнать ее, вам нужно глубоко окунуться в народную жизнь. Эту систему можно резюмировать в двух словах: «Все для народа, ничего посредством народа». В этой системе восстание против установленного порядка вещей и заговор в виду организации этого восстания должны быть совершены – и так это и делается – буржуазной молодежью при очень слабом участии нескольких сот городских рабочих. Пролетарские массы, и в особенности крестьяне, должны быть исключены; потому что они внесли бы в эту идеальную систему дикие порывы грубых и реальных страстей, которые расстроили бы неглубокие замыслы великодушной, но буржуазной с головы до ног молодежи. Когда строят план невинной революции, имеющей вполне определенную цель заменить существующую власть новой, необходимо сохранить во что бы то ни стало пассивность масс, которые не должны потерять драгоценную привычку повиноваться, и хорошее настроение и спокойствие буржуа, которые не должны переставать командовать и господствовать. Следовательно, нужно избегать во что бы то ни стало экономического и социального вопроса.

И, действительно, что мы видели? Стихийные движения народных масс – и очень серьезные движения, как движение в Палермо в 1866 г., и еще более сильное крестьянское движение во многих провинциях против несправедливого закона о взимании пошлины за помол – не встретили никакого сочувствия, или очень мало, со стороны революционной молодежи Италии. Если бы это последнее движение было хорошо организовано и управлялось умными людьми, оно могло бы вызвать громадную революцию. За отсутствием организации и вождей оно ни к чему не привело.

Но, год спустя, итальянская молодежь, инспирированная Мадзини и руководимая им, вознаградила себя. Это был, быть может, одним из наиболее крупных заговоров, подготовленных Мадзини, по числу принимавшие в нем участие людей и по истраченным на него суммам. И что же? Он провалился самым жалким образом. В различных местах страны поднялись банды в несколько сот смелых молодых людей, и эти банды рассеялись не перед королевскими войсками, а перед глубоким равнодушием крестьянских и рабочих масс. Этот роковой, но естественный исход должен бы был раскрыть глаза, не Мадзини, который никогда не раскроет их, а итальянской молодежи, которая, будучи юная, может еще их раскрыть.

Однако, она начала отделяться от Мадзини не на этой практической почве, а на почве теории, благодаря развитию свободной мысли. Я не буду рассказывать вам то, что вы сами хорошо знаете, а именно, каким образом по всей Италии самостоятельно образовались группы свободомыслящих буржуа. Но странная вещь, хотя они в умственном отношении освободились от ига Учителя и Пророка, большинство из них продолжало и продолжает еще находиться под политическим игом Мадзини.

«Пусть он не трогает нашего свободомыслия, говорят они еще и ныне, и мы охотно отдадим себя руководству его Патриотического и революционного гения, его опыта в заговорах и в борьбе за республику».

И они не понимают, что невозможно быть в действительности «свободомыслящим», не будучи в то же время социалистом в широком смысле слова; что смешно говорить о «свободной мысли» и желать в то же время единой, авторитарной и буржуазной республики Мадзини.

В этом случае также Мадзини показывает себя логичным, гораздо более логичным, чем молодежь, которая называет себя материалистической и атеистической. Он сразу понял, что эта молодежь не могла и не должна была хотеть его республики. В статье «Терпимость и Индифферентность», помещенной им в 34 номере La Roma del Popolo, он ясно говорит нам, что он согласен не касаться социального вопроса. Это доказывает, что он достаточно проницателен, чтобы понять, что нельзя быть материалистом и атеистом, не будучи в то же время социалистом в широком смысле слова.

Не логика ее собственного развития начала раскрывать глаза итальянской молодежи, а во-первых восстание и революция Парижской Коммуны и затем проклятие и единодушное и бешеное преследование Интернационала всеми правительствами и всеми реакциями Европы, не исключая Мадзини и мадзинистской партии.

В этом отношении Мадзини оказал нам большую услугу. Он доказал, что как скоро молодежь отошла от него в области мысли, она должна была отойти от него также и в области практической деятельности; он отверг ее и был тысячу раз прав. В этот раз он был гораздо откровеннее и честнее по отношению к ней, чем она смела и смеет еще быть по отношению к себе, и он вызывает ее быть серьезнее и мужественнее.

Да, эта молодежь должна иметь теперь мужество признать и провозгласить свое полное и окончательное расхождение с политикой, заговорщической деятельностью и республиканскими предприятиями Мадзини, под страхом оказаться осужденной на бездействие и постыдное бессилие. Она должна начать свою собственную политику!

Какая может быть эта политика? Помимо мадзинистской системы, которая является системой Республики – Государства, есть только, одна, система Республики – Коммуны, Республики – Федерации, социалистической и действительно народной Республики, система Анархии. Это политика социальной революции, которая стремится к уничтожению Государства и к экономической, вполне свободной организации народа, организации снизу вверх федеративным путем.

Вот цель, единственно возможная для нее, если у нее есть цель, если она хочет иметь цель. Если, у нее нет цели, если она не хочет иметь никакой цели, тем хуже для нее, потому что тогда она будет тысячу раз более непоследовательной, чем мадзинистская партия: тогда она будет в некотором роде бессильным протестом, против неразумия на самой почве неразумия и бессилия. Неразумие мадзинистов имеет, по крайней мере, за себя энергию страсти и безумия, они ведут кампанию, провозглашают свои нелепости с силой убеждения, которая всегда увлекает слабых; тогда как рациональный протест атеистической молодежи, слишком умной, чтобы верить в нелепости, но слишком неэнергичной, слишком мало убежденной и страстной, чтобы иметь мужество суметь покончить с ними совершенно, был бы чем то совершенно отрицательным, т. е. абсолютным бессилием. Но есть ли что-нибудь в мире более низкое, более отвратительное и более постыдное, чем бессильная молодежь, молодежь, которая не смеет дерзать, которая не умеет противиться?

Итак, стало быть, ради своей чести, ради своего собственного спасения и ради спасения итальянского народа, который нуждается в ее услугах, материалистическая и атеистическая молодежь, согласуя свою волю и свои действия с своим свободомыслием, «должна хотеть» и начать теперь политику социальной революции.

Я уже сказал, чем является эта политика, рассматриваемая с точки зрения новой организации общества после победы. Но прежде чем создать, или лучше сказать, прежде чем помочь народу создать эту новую организацию, нужно получить победу. Нужно свергнуть то, что есть, чтобы иметь возможность установить то, что должно быть. Чтобы ни говорили, господствующая ныне система сильна не по своей идее и внутренней нравственной силе, которые отсутствуют в ней, но благодаря всей механической, бюрократической, военной и полицейской организации государства, благодаря науке и богатству классов, в интересах которых ее поддерживать. И одной из вечных иллюзий Мадзини, и наиболее смешной, является именно воображение, что можно сокрушить эту силу при помощи нескольких кучек плохо вооруженных молодых людей. Он хранит, однако, эту иллюзию и должен хранить ее, потому что, так как его система запрещает ему прибегать к революции масс, ему остаются, как средство практической деятельности, только эти кучки молодых людей.

Теперь, заметив, наверное, что эта сила слишком недостаточна, он старается создать себе новую силу в рабочих массах. Он решается, наконец, подойти к социальному вопросу и надеется воспользоваться им, как средством для практической деятельности. Впрочем, он решил сделать этот шаг не умышленно, а потому что был вынужден к этому событиями. Революция Парижской Коммуны пробудила не только молодежь, она пробудила также итальянский пролетариат. Затем появилась пропаганда Интернационала: Мадзини почувствовал замешательство, он был опечален и начал тогда свои бешеные нападки против Коммуны и против Интернационала.

Тогда именно у него и зародилась мысль о Римском съезде, – на котором должен будет в ближайшем будущем трактоваться, или скорее «мальтретироваться» социальный вопрос, – и он обратился к итальянским рабочим с следующими словами [2] :

«Так как вы заслужили этого своей жертвой (!), так как вы не старались поставить свой класс на место других классов, а старались возвыситься вместе с другими (т. е. подняться до буржуазии), т. к. вы стремитесь к изменению экономических условий не из эгоистического желания материальных благ (возмутительная и клеветническая фраза, брошенная против несчастных мучеников Парижской Коммуны и Интернационала), а для того, чтобы иметь возможность улучшить свое положение в нравственном и умственном отношении (первое требование Интернационала заключается во всестороннем и равном образовании для всех; первая мысль Парижской Коммуны среди ужасной борьбы, о которой вы знаете, была учредить прекрасные школы грамотности для мальчиков и девочек, но рациональные, управляемые, сообразно человеческим принципам и без священников), вы имеете право ныне на Отечество свободных и равных Граждан (Мадзини говорит здесь, как говорят детям: „Милые детки, так как вы были умниками, мы, ваши папаши, мы, буржуа, дадим вам конфетку“; и он забывает сказать итальянским рабочим, что в качестве конфет, варенья и засахаренного миндаля, буржуазия всегда давала народу лишь пули и картечь, – и что они всегда „будут иметь лишь то, что будут требовать, как право, а не получат, как подарок), в котором вы будете иметь общее со всеми вашими братьями (буржуа) Воспитание, (Мадзини не говорит Образование, которое он отличает от Воспитания, – см. его книгу *Doveri dell' Uomo*, – и нисколько не намерен дать пользоваться им всему народу в одинаковой степени. Что касается этого общего воспитания, о котором он столько говорит, это также ложь. Если он подразумевает под этим официальное преподавание общественной нравственности, то это делалось давно уже в католической церкви. Общественное воспитание, не фиктивное, а реальное, может существовать только в обществе, построенном на началах истинного равенства. Мадзини, конечно, не думает уничтожить воспитания в семье; а так как воспитание дается гораздо больше жизнью и влиянием общественной среды, чем преподаванием всеми патентованными профессорами „долга“, жертвы и всех добродетелей, то каким образом воспитание может стать когда-нибудь общим в обществе, в котором социальное положение как личностей, так и семей столь разнообразно и столь неравно?) общее избирательное право, чтобы способствовать прогрессивному развитию страны (чтобы дать себе хозяина), общее оружие для защиты ее величия и чести (которые давят вас своей тяжестью, для которых вы вечно будете служить молчаливым или пассивным пьедесталом и которые, прибавим, дают предлог для объявления братским народам, войны несущей разгром и нищету в их ряды, и для укрепления ига и буржуазного господства над массами), свободные от всякого прямого или косвенного налога необходимые жизненные предметы (Мадзини этим обещанием, – вечно повторяемым и никогда не исполняемым всеми людьми, оспаривающими друг у друга власть, – хочет обеспечить себе помощь рабочих. Но он обещает больше, чем может дать, если получит власть, ибо величие и могущество государства стоят дорого), свободу труда (она уже существует, и вся буржуазная система основана на этой свободе) и помощь в случае безработицы или если возраст и болезни не позволяют работать (также невыполнимое желание при существующей экономической системе), потом оказанные благосклонность (ах, вот, в чем дело: благосклонность! милости! – сострадание! милосердие! – оказанные буржуазией, которая никогда их не окажет, потому что это было бы против нее самой) и поддержку оказанные кредитом, вашим попыткам заменить мало по малу, (при мадзинистской системе, как я докажу это в своих статьях, по крайней мере, через тысячу лет) современную систему наемного труда системой добровольного товарищества, основанного на соединении труда и капитала в одних и тех же руках.

Ясно, что не буржуа, конечно, окажут рабочим такую благосклонность, которая если бы она была действительно оказана, привела бы к полному крушению, к уничтожению буржуазного класса, существование которого основано всецело и исключительно на эксплуатации труда пролетариата в пользу капитала, сосредоточенного в его руках. Как только кредит предоставит возможность широко пользоваться капиталом всем производительным товариществам, которые потребуют его, у рабочих не будет больше нужды обогащать, в качестве эксплуатируемых наемников, буржуазный капитал! Этот капитал не будет тогда больше приносить ни прибыли ни процентов. Самые богатые буржуа скоро проели бы свои капиталы и быстро спустились бы, в меньший промежуток времени, чем это думают, на уровень пролетариата.

Разве не ясно, что „владеющий класс“, буржуазия, должна всеми силами противиться всякой серьезной уступке, оказанной кредитом производительным товариществам, образованным пролетариатом? Кто же им даст этот кредит? Республиканское государство Мадзини? Тогда одно из двух: или кредит будет настолько смешон и мизерен, что, оставив все по старому, он лишь послужит для того, чтобы обмануть нетерпение рабочих, питать их иллюзиями до того момента, когда им надоеет быть обманутыми и они восстанут, и тогда или свергнут это государство или же будут подавлены „патриотической картечью“ мадзинистской буржуазии; или, же, наоборот, это будет серьезный кредит, способный действительно освободить рабочую массу, и тогда, угрожаемая неминуемым разорением, буржуазия восстанет и свергнет это искренно народное мадзинистское государство, если только она сама не будет раздавлена и уничтожена им.

Но что получится в последнем случае? Капиталистическое государство, ведающее всем национальным трудом, т. е. как раз коммунистическое, централизованное, всемогущее государство, разрушитель всякой свободы и всякой автономии, как личностей, так и коммун, такие, о каком мечтают ныне немецкие социалисты школы Маркса и против которого мы, анархисты, боремся больше, чем Мадзини, хотя и исходя совершенно из другой точки зрения.

Не отступайте от этой программы, продолжает Мадзини, не отдаляйтесь от тех из ваших братьев, которые признают эти права (только эти права? это весьма немного, и все сводится ко лжи. Но кто же эти такие великодушные „братья“? Многих вы знаете в буржуазном классе? Нет. Несколько десятков филантропов, непоследовательных, смешных и бессильных, сентиментальных риторов буржуазных съездов. Мадзинистская церковь, которая, бессильная сама по себе, будет иметь лишь силу, какую согласится дать ей ослепление пролетариата, что означает, что Мадзини умоляет пролетариат уничтожить себя, чтобы он мог, от имени пролетариата, утешить и успокоить буржуа), и которые будут стараться (при помощи всех нас, чью силу они предполагают парализовать, направить в другое русло и поглотить) устранить препятствия с пути к учреждениям, могущим признать их или охранять. Тот, кто звал вас к другому, не хочет вашего блага... И берегитесь, – вопрос, сведенный к чистой силе, сомнителен.“

Но если пролетариат не может добиться справедливости путем силы, кто же даст ему ее? Чудо? Мы не верим в чудеса, и тот, кто говорит о них пролетариату, лжец, отравитель. Нравственная пропаганда? Нравственное превращение буржуазии под влиянием

пропаганды Мадзини? Но говорить об этом, успокаивать пролетариат смешной иллюзией, со стороны Мадзини, который должен хорошо знать историю, плохой поступок. Был ли когда-нибудь, в какую-нибудь эпоху, в какой-нибудь стране хоть один пример когда привилегированный и господствующий класс, сделал бы уступки свободно, добровольно, не будучи вынужден к тому силой или страхом? Сознание справедливости своего собственного дела без сомнения необходимо пролетариату для того, чтобы организовать в силу, могущую победить. У него есть теперь это сознание; и там, где у него еще нет его, наш долг вызвать его эта справедливость стала очевидной даже в глазах наших противников. Но одно сознание справедливости недостаточно: необходимо, чтобы пролетариат присвоил к этому организацию своей силы, ибо, – не во гнев будь сказано Мадзини, – прошли те времена, когда стены иерихонские падали от трубных звуков, ныне силу может победить только сила. Мадзини впрочем, прекрасно это знает, потому что когда дело идет о том, чтобы монархическое государство заменить его государством, он сам взывает к силе.

Вот его собственные слова в *Doveri dell' Uomo*: „Надо свергнуть силою грубую силу (т. е. монархическое государство), которая ныне мешает всякой попытке улучшения“.

Стало быть, он тоже призывает силу против того, что он хочет серьезно свергнуть. Но так как он не имеет ни малейшего желания, уничтожить господство буржуазии ни ее экономические привилегии, которые являются единственной основой существования этого класса, он старается убедить рабочих, что нет необходимости и непозволительно употреблять против нее иных средств, кроме иерихонских труб, т. е. моральных, невинных средств мадзинистской пропаганды. Можно ли предположить, что он сам ошибается до такой степени? Уже сорок лет, как он проповедует свой „закон жизни“, новое откровение. Победил он и научил благонравию итальянскую буржуазию? Наоборот, мы видели и видим, что масса его прежних учеников и апостолов перешли в буржуазную веру. Официальная и офицозная Италия полна ими. Кто среди правительственной сволочи и *Consorteria*, которые распоряжаются теперь несчастной Италией, не был в молодости более или менее мадзинистом? Сколько осталось теперь чистых мадзинистов, как Соффи, Петрони, Бруско, которые думают, что понимают догматы мадзинистской теологии и следуют им? Две, три, максимум пять дюжин. Не является ли это доказательством бесплодности и плачевного бессилия учения и пропаганды Мадзини? И имея это доказательство – и, разумеется, горько оплакивая его, – неосновательности своего учения, Мадзини осмеливается говорить рабочим, миллионам угнетенных рабов: „Не рассчитывайте на свое человеческое право ни на свою силу, которая, конечно, велика, но которая мне очень не нравится, потому что она заключает в себе отрицание моего Бога и потому что она слишком пугает моих добрых буржуа, ваших старших братьев, как говорит Гамбетта. Доверяйтесь единственно целительному действию моей пропаганды“. Вот жизненный эликсир, верное средство от всех зол, с двусмысленным содержанием!

Мы, наоборот, говорим рабочим: Справедливость вашего дела несомненна: одни только негодяи могут отрицать ее; вам недостает только организации вашей силы: организуйте ее и затем свергните все, что мешает осуществлению вашей справедливости. Сбросьте всех, кто вас угнетает. Потом, обеспечив хорошенько себе победу и разрушив то, что доставляло силу ваших врагов, проявите гуманность по отношению к этим несчастным, побежденным и отныне безвредным и безоружным; признайте в них своих братьев и пригласите их жить и

работать вместе с вами и как вы на незыблемой почве равенства.

Защитники существующего порядка, говорит дальше Мадзини, имеют освященную веками организацию, могучую, благодаря дисциплине и ресурсам, какими никогда не сможет располагать никакое Международное Товарищество, против которого ведется неустанная борьба и которое вынуждено действовать тайно.

Бедный Интернационал! Мадзини прибегает ко всевозможным хитросплетениям и аргументам, чтобы погубить его в мнении итальянских рабочих.

Не верится прямо. Он, старый заговорщик, который в продолжение сорока лет только и делал, что основывал одно за другим тайные общества, обвиняет теперь Интернационал как раз в том, что он является тайным обществом! Он доносит на него итальянскому правительству и, потирая руки, как человек, сознающий, что он сделал доброе дело и довольный собой, он говорит затем себе и слушающим его итальянским рабочим: „Не будем больше говорить об Интернационале: преследуемый всеми правительствами и мною, он принужден скрываться; он не больше, как тайное общество, следовательно, он больше ни на что неспособен, он погиб“.

Говорите ли вы, господин Мадзини, то же самое вашим заговорщикам? И предположив даже, что вы говорите им тоже самое, было ли бы это истиной? Ведь, вы не можете не знать, что то, что вы говорите, ложь или, вернее, выражение надежды, желания, а не действительности. Был момент, когда правительства думали, как вы, что Интернационал может быть уничтожен; но теперь они не думают больше этого; и если вы один среди ваших новых друзей реакции думаете это, тем хуже для вашей прозорливости.

Не только Интернационал не уничтожен, но со времени поражения Коммуны он развился в Европе и Америке, стал более крепким, более обширным, более могучим, чем когда либо. Он существует, действует и открыто распространяется в Америке, Англии, Бельгии, Швейцарии, Испании, Германии, Австрии, Италии, Дании и Голландии. Только во Франции он вынужден теперь действовать тайно, благодаря республиканцам, вашим друзьям, и врагам Коммуны. Но не воображайте, что из за этого он стал менее могучим. Вспомните что вы сами, когда вы были гонимы и еще не сделали сами гонителем, утвердили тысячу раз своим друзьям и ученикам: „Гонения увеличивают в сто крат страсть и, стало быть, силу гонимых“. Будьте уверены, что то же самое произойдет в Италии, когда правительство, уступив своему страху и вашим внушениям, последует, как оно делает это уже теперь, примеру французского правительства.

Теперь, хотите вы знать, какая главная причина постоянно возрастающей силы Интернационала? Я вам объясню этот секрет, так как ваш ум, без сомнения великий, но ослепленный построенной на нелепостях системой, называемой вами, „вашей верой“, стал неспособен разгадать его.

Интернационал могуч, потому что он не навязывает народу никакого абсолютного догмата, никакой непреложной доктрины; потому что программа его формулирует лишь собственные инстинкты, реальные стремления народа. Он могуч, потому что не старается, как вы всегда

это делали, образовать непреложную силу вне народа, и потому что лишь организует народную силу. И он может это делать, ибо, так как он не претендует навязать народу программу, полученную сверху и тем самым чуждую и противоречащую народным инстинктам, ему нечего бояться организации этого стихийного могущества численной силы масс. По обратной причине, вы не можете и не должны этого делать, так как первое проявление этой силы повлечет за собой разрушение всей вашей системы.

Ныне, продолжает Мадзини, ваше движение свято, потому что оно опирается именно на нравственный закон, который отрицается, на исторический прогресс, открытый традицией человечества, на понятие о воспитании, единении, единстве человеческой семьи, предопределенное Богом на вечные времена.

Читая все это, вынужден спросить себя: Что это, шарлатанство, поэзия или же умопомешательство? О каком движении итальянских рабочих говорит Мадзини, объявляя его святым? Может быть, об обществах взаимопомощи, которые до сего времени ничего не дали? И неужели ой, в самом деле, воображает, что хоть один среди итальянских рабочих поймет что-нибудь в напыщенных, лжемудрых, двусмысленных фразах и в наборе пустых слов, приведенных сейчас? Для того чтобы понять это, надо обладать глубоким умом г.г. Саффи и Бруско; бедный итальянский рабочий очень удивится, если ему скажут, что в этих громких фразах идет речь о нем. Дело в том, что движение итальянских рабочих, благодаря наркотикам, которыми пичкал их Мадзини, было ничтожно до сего времени. Они спали, и в продолжение их тяжелого и болезненного сна, один только Мадзини и мадзинисты действовали; и как всегда бывает с лицами, у которых мало критического ума, эти последние приняли свое собственное движение за движение окружающих их. Но вот народ перестал спать, он пробуждается и, по-видимому, начинает двигаться; и Мадзини, испугавшись этого пробуждения и этого движения, о котором он не давал распоряжения и которого не предвидел, изыскивает все средства, старается всевозможными способами усыпить опять народ, чтобы снова иметь возможность действовать одному от его имени.

Он кричит итальянским рабочим:

Ваш закон крестовый поход! (Конечно, лучше спать, чем слышать подобные глупости, которые способны заставить потерять голову самых смысленых, самых живых). Если вы превратите его в восстание (о! но вы не хотите этого!), в угрозу интересов против других интересов (да, справедливых интересов, которые представляют право всех, против интересов несправедливых, представляющих несправедливое отрицание его; угрозу свободы против деспотизма, равенства против привилегии, труда против обворовывающих труд, истины против лжи, Человечества против Бога), вы не сможете больше рассчитывать, кроме как на свои силы.

А если рабочие послушают Мадзини, принесет он им, в вознаграждение, новые силы? И какие? Не будут ли это, например, силы мадзинистской партии, которая дала о себе такое жалкое представление во всех предприятиях Мадзини? Или же он обещает им серьезно помощь буржуазных сил? Эти силы, которые некогда были действительно огромны, стали зыбки и ничтожны, настолько ничтожны, что угрожаемые ныне пролетариатом, который их страшно пугает, они во всех странах укрываются под покровительством военной диктатуры.

Это сильное прогрессивное умственное и нравственное падение буржуазного класса можно изучать даже в молодежи. На сто молодых людей этого класса много-много вы найдете пять, которые не были бы молодыми „стариками“! Другие, чуждые всему великому, происходящему вокруг них, ушедшие в банальность своих мелких удовольствий, мелких интересов или мелкого тщеславия и мелочного честолюбия, ничего не чувствуют, ничего не понимают и ничего не хотят. Когда молодежь какого-нибудь класса дошла до этого, это очевидное доказательство, что этот класс уже умер, и ничего не остается, больше, как похоронить его. Наиболее живые в этом классе чувствуют себя растерянными и погибшими, у них нет почвы под ногами; однако же они не решаются покинуть то общество, которое рушится со всех сторон, но чувствуют, что оно увлекает их вместе с собой в пропасти. Теперь; друзья мои, для вашего ума, вашей совести, вашего достоинства, вашего зрелого возраста в пользу вашего существования, нет другого спасения, как решительно отвернуться от этого буржуазного класса, к которому вы принадлежите по рождению, но который ваш ум и совесть ваша осуждают на смерть, и броситься с головой в народ, в народную и социальную революцию, в которой вы найдете жизнь, силу, почву и цель, которых вам ныне недостает. Тогда вы будете людьми; иначе, с вашими буржуазными радикалами, с Мадзини и мадзинистами, вы очень скоро превратитесь в мумии, как и они. Отныне, сила, жизнь, ум, человечество, все будущее в пролетариате. Отдайте ему всю свою мысль и он отдает вам свою жизнь и силу, и соединившись вместе, вы совершите революцию, которая спасет Италию и весь мир!

Но вот, опираясь на свои теологические костыли и в сопровождении бедных больных духом и сердцем, – разных Саффи, Петрони, Бруско, Кампанелла, Мосто и т. д. – старик Мадзини подходит к этому молодому великану, единственно сильному и живому в нашем веке, пролетариату, и говорит ему: „Я несу тебе силу и жизнь. Жизнь я имею от Бога, силу? Буржуазия согласится одолжить мне ее. Я несу тебе ее помощь с условием, что ты будешь благоразумен и, довольствуясь моими маленькими паллиативами, чтобы смягчить твои страдания, ты согласишься, как в прошлом, служить этой бедной, дряхлой буржуазии, которая только и желает любить тебя, охранять и – в то же время – немножко обирать тебя“.

Смешное не уступаем здесь гнусному.

Итак, если вы обратите нравственный закон в бунт, в угрозу интересов против интересов, вы должны будете рассчитывать только на одни свои силы!»

Это неправда. Мадзини забывает Интернационал. Он думает, что похоронил его, но последний совсем не умер. Интернационал, т. е. организованная сила пролетариата Европы и Америки, нечто более утешительное и более успокоительное и, разумеется, более нравственное также, чем союз итальянского пролетариата с итальянской буржуазией и, через посредство этой последней; с буржуазией Европы и Америки, с реакцией против революции и против пролетариата всего мира.

«Уверены ли вы, что ваши силы достаточны?» спрашивает Мадзини. Разумеется, достаточны! У пролетариата больше силы, чем надо, чтобы разрушить буржуазный мир со всеми его Церквами и Государствами. Но пророк восклицает: «И если бы даже ваши силы

были достаточны, вы запятнаете свою победу кровью ваших братьев, пролитой в долгой и ужасной гражданской войне.» Вот, значит, в чем дело! Мадзини, забывая, что все великие победы человечества, – все абсолютно все, – добыты крупными битвами, предлагает рабочим попробовать еще раз действие своей волшебной флейты или своей иерихонской трубы. Но, он по меньшей мере смешон, а если не смешон, то я докажу, что он гнусен: ибо столько кажущейся человечности скрывает в себе подоплеку реакции и измены по отношению к пролетариату. Государственный муж становится сиреной, чтобы усыпить бдительность народа и восторжествовать над его законной недоверчивостью.

Действительно ли Мадзини такой большой враг борьбы? В своем обращении к молодежи он называет-очень смешно, правда, – Спартака, взбунтовавшегося раба, «первым святым республиканской религии». А что сделал Спартак? Он поднял своих братьев по рабству и без церемонии истребил сколько Мог римских патрициев. Он вынуждал их драться между собою, как гладиаторов. Таковы были дела и жесты одного из святых Мадзини.

Мадзини, как Данте, преклоняется перед древним величием республиканского Рима. Но если было величие, основанное на кровавых и беспрерывных боях, так это конечно величие древней римской республики.

Посмотрим теперь, какому второму величию он; требует от нас поклонения, не в настоящем, разумеется, – ибо у него есть другое, чтобы предложить нам для данного момента, – но в прошлом: величию папского Рима! Не залит ли и он был также кровью, не в крови ли, как и римская республика, он основал свое могущество?

Я не буду говорить вам о битвах Реформации ни о битвах Революции, потому что Мадзини одинаково ненавидит ту и другую. Но трех вышеприведенных примеров достаточно, я полагаю, чтобы показать вам, что он не ненавидит битвы, но преклоняется пред ними, когда они имеют целью образование могущественного государства. Он ненавидит бунт, и, конечно, по недоразумению Спартак занял место среди святых в его раю.

Мадзини боится гражданской войны, которая разрушит Национальное единство:

Отрицание Отечества, нации! восклицает он с отчаянием. Отечество вам было дано Богом для того, чтобы в группе двадцати пяти миллионов Братьев, более тесно связанных с вами именем, языком, верою (?), общими стремлениями (ложь за ложью!) и длинным и славным рядом традиций, культом могил дорогих мертвецов (отзвук классического языческого мистицизма), торжественными воспоминаниями о мучениках, павших за Nation, вы нашли могучую поддержку для более легкого выполнения миссии, в доле работы, которую определяют вам ваше географическое положение и ваши специальные способности. Кто уничтожит его, уничтожит все огромное количество сил, созданных общностью средств и деятельностью этих миллионов, и закроет вам путь к росту и прогрессу. Интернационал Nation заменяет Коммуной, независимой коммуной, призванной управляться сама собой.

В этой длинной тираде что ни слово, то ложь. Необходимо, следовательно, чтобы я подверг ее критике.

Так, Мадзини говорит: «Отрицание Отечества, Нации» Нет, но отрицание национального и патриотического государства, и это потому, что патриотическое государство означает эксплуатацию народа какой-нибудь страны в исключительную пользу привилегированного класса этой страны; богатство, свободу, культуру этого класса, основанные на вынужденных нищете, рабстве и варварстве этого народа.

Мадзини утверждает, что двадцать пять миллионов, образующих итальянскую нацию, «братья», имеющие одинаковую веру и общие стремления.

Является ли необходимым доказывать, что это наглая или глупая ложь? В Италии имеется, по крайней мере, пять наций:

1. Все духовенство, от папы до последней монахини;
2. Consorteria, или крупная буржуазия, включая сюда дворянство;
3. Средняя и мелкая буржуазия;
4. Фабричные и городские рабочие;
5. Крестьяне. Как же, спрошу вас, можно утверждать, что эти пять наций – и, если нужно, я перечислю еще больше, напр.: а) двор; б) военная каста; в) бюрократия – имеют одну и ту же веру и общие стремления?

Рассмотрим их одну за другой.

1. Духовенство не составляет, собственно говоря, наследственного класса, но, тем не менее, оно является постоянным классом. Состоящее наверху из кардиналов архиепископов и епископов, набираемых большей частью среди высшей аристократии, внизу из массы низшего духовенства которое поставляет деревня, искусственно обновленное семинариями и повинующееся ныне, как хорошо дисциплинированная армия, Иезуитскому Ордену, это каста, имеющая свои чисто итальянские историю и традиции, а также некоторого рода итальянский патриотизм. И это одна из причин почему Мадзини, несмотря на все свое теоретическое и политическое расхождение, с ней питает тайную и как бы невольную нежность к этой касте. Другая причина та, что это каста священников; и хотя Пророк весьма расположен заменить священников старой католической Церкви священниками новой мадзинисткой Церкви, тем не менее он инстинктом, а также и сознательно, уважает их священнический сан и он гремит против тех, кто на них нападает: против Парижской Коммуны, против Интернационала, против свободомыслящих и Гарибальди. Особый патриотизм итальянского духовенства заключается в стремлении подчинить духовенство других стран духовенству Италии и сделать господствующей итальянскую религиозную мысль, ультра-монтанизм, на вселенских соборах, начиная с собора в Триенте и до более недавнего собора в Ватикане.

Нужно ли вам доказывать, вам итальянцам, что эта каста, хотя вполне итальянская по своим обычаям, языку, но самой культуре своего ума, всегда была и остается теперь совершенно чуждой всем стремлениям великой итальянской нации.? Впрочем, несмотря на свой

специальный патриотизм, по своему положению и своим догматам эта каста международна.

2. Посмотрим, что представляет из себя Consorteria. Это новый класс, созданный объединением Италии; он содержит в себе всю богатую буржуазию и всю часть более или менее богатого дворянства, которая не входит в клерикальную касту. Сила этого класса заключается в крупной собственности и в крупных промышленных, торговых, финансовых делах и в особенности в Банке. Его сыновьям принадлежат все высшие и наиболее прибыльные государственные должности. Это по преимуществу государственная каста; стоит открыть ваши газеты, чтобы увидеть, что она представляет из себя и что делает. Это, стало быть, не что иное, как огромное товарищество «честных людей», чтобы систематически грабить бедную Италию. Это она представляет главным образом единство и могучую централизацию государства, потому что централизация означает крупные дела, крупные спекуляции, колоссальные хищения. Это класс, у которого нет никакой веры, но который готов примириться и войти в союз с клерикальной кастой, потому что он все больше и больше убеждается, что народ не может обойтись без религии.

Вспомните хорошенько дело Риказоли, в 1866 или 1867 г., и знаменитый финансово-клерикальный проект Камбре-Диньи для выкупа церковного имущества. Это был союз Банка с Ризницей.

Consorteria, впрочем, не горделива и не стоит, на исключительной точке зрения; подобно английской аристократии и гораздо легче еще, чем эта последняя, она охотно принимает в свою среду все умы, которые, если бы они остались вне ее, могли бы стать для нее опасными, тогда как принятые в ее среду, приносят ей новые силы против страны, которую надо эксплуатировать, так как она достаточно богата, чтобы прокормить несколько сотен лишних привилегированных мошенников.

Мне нет надобности говорить вам, что у этого класса нет никакого патриотизма; он менее патриотичен, чем клерикальная каста и более космополитичен, чем эта последняя. Созданный новейшей цивилизацией, он не признает другого отечества, кроме мировой спекуляции, и каждый из его членов также охотно будет эксплуатировать и грабить всякую другую страну, как и свою дорогую Италию. У этого класса нет другого стремления, как набивать себе карманы в ущерб национальному благоденствию.

3. Перейдем к третьей касте, к касте средней и мелкой буржуазии. Это она посредством культуры, свободы и прогресса, создала всю прошлую историю Италии: искусства, науку, литературу, языки, промышленность, торговлю, муниципальные учреждения, все она создала. Это она, наконец, последним усилием завоевала политическое единство Италии. Она была, стало быть, патриотическим классом по преимуществу, и в ее среде Мадзини и Гарибальди и задолго до них Пепе, Бальбо, Санта Роза набирали солдат, мучеников, героев итальянской революции. Вы видите, стало быть, дорогие друзья, что я отдаю полную справедливость этому классу и с уважением и искренно преклоняюсь перед его прошлым. Но тот же самый дух справедливости заставляет меня признать, что ныне он совершенно выдохся стал бесплодным и высохшим, как лимон, из которого столь долгая и достопамятная история выжала весь сок; что ныне он мертв и что никакое чудо, даже диктаторский героизм генерала Гарибальди, ни теологические фокусы Мадзини не смогут

его воскресить. Он умер и становится с каждым днем все более бессильным, более низким, более безнравственным, более грубо животным. Это громадное тело, разлагающееся путем гниения. Вы можете судить об этом по громадному большинству его молодежи и по итальянскому Парламенту, который состоит почти исключительно из членов, вышедших из его среды.

Средняя буржуазия, – к которой я причисляю также класс сельских собственников, дворян и не дворян, которые не будучи богатыми, живут в довольстве, – находится ныне под экономическим и, следовательно, политическим игом Consorteria, которая господствует над ней также, из тщеславия, быть может, наиболее сильной из всех страстей в этой части буржуазии, во всяком случае, такой же сильной, как жажда наживы. Этот класс находится вдвойне в зависимости от существующего порядка вещей, который, держа его скованным, в то же время незаметно разоряет его. Для всех своих промышленных и торговых предприятий, он нуждается в кредите, а кредит в руках Банка, т. е. наиболее богатой части Consorteria. Ни одно дело, как бы незначительно оно ни было, не может быть заключено ныне без согласия Consorteria, – пример, недавнее дело неаполитанских вод, – а Consorteria оказывает кредит и покровительствует только тем, кто голосует за нее. Другая связь, тесно скрывающая ее с государством, следующая: сыновья этого класса занимают все бюрократические, юридические, полицейские, военные должности в государстве; их повышение по должности зависит от хорошего поведения их родителей, т. е. от их политического подчинения. А какой отец будет настолько извращен, чтобы голосовать против «карьеры» своего собственного сына?

Итальянское государство разорительно и разоренное. Оно с большим Трудом поддерживает себя, только облагая тяжелыми налогами страну, и все, что остается еще от ее богатства, идет на прокормление Consorteria, так что для средней буржуазии остаются только крошки: а жизнь с каждым днем все дорожает, роскошь становится утонченнее, и вместе с роскошью становится утонченнее и тщеславие буржуазии. Это тщеславие, вместе с ограниченностью ее ресурсов заставляет ее жить постоянно в стесненном положении, которое удручает ее, деморализует, волнует ее сердце и отнимает у нее то небольшое количество достоинства и ума, которые остаются у нее.

И повторяю: этот класс, который был некогда столь могучим, умным и благоденствующим и который теперь медленно, но роковым образом идет к своей гибели, уже умственно и нравственно умер. У него нет больше ни веры, ни мысли, ни каких бы то ни было стремлений. Он не хочет и не может вернуться назад, но он не решается также смотреть вперед; так что он живет изо дня в день в тревоге, причиняемой ему финансовыми затруднениями и социальным тщеславием, которые отныне постоянно волнуют его сердце.

Из этого класса выходят еще, но все в более и более Ограниченном числе, последние партизаны Мадзини и Гарибальди, бедные юноши, полные благородных и идеальных стремлений, но чрезвычайно невежественные, не находящие себе верного пути, затерянные среди черствой, рабской и развращенной действительности, которая составляет ныне жизнь буржуазного общества Италии.

Отдадим им справедливость. Из всей молодежи западной Европы итальянская молодежь, быть может, дает наибольшее число героев. Ее последний поход во Францию, под предводительством великодушного, благородного Гарибальди еще раз доказал это и наиболее ярким образом. Но отдавая ей должное, мы должны признать в то же время, что большая часть этой геройской молодежи страдает опасной болезнью, которая, если она не вылечится от нее, убьет ее и сделает весь ее героизм смешным и бесплодным. Эта болезнь может быть определена следующим образом: отсутствие всякой живой и серьезной мысли; абсолютное отсутствие всякого чувства действительности, среди которой она хочет действовать, и живет.

Я сказал, что она чрезвычайно невежественна; но это не ее вина. Университеты и школы Италии, когда то бывшие первыми в Европе, отстали на целое столетие, даже, если сравнивать их со школами Франции. Лет десять лишь тому назад и благодаря некоторым профессорам, прибывшим из Швейцарии и Германии, как Малешотт, Шифф и другие, которых так ругал Мадзини, некоторый свет современной позитивной науки осветил немного аудитории, до того времени погруженные в почетную полутень ретроспективных, мистических, классических, метафизических, юридических, дантовских и римских наук, и принесли с собой дыхание свежего воздуха этим юношам, которые задыхались в узко и глупо исторической атмосфере. Другой причиной невежества были постоянные заговоры и непрерывные восстания этой молодежи, еще больше за политическое единство, чем за свободу отечества, всегда за государство и никогда за народ.

Привыкши не отделять своих мыслей от мыслей Мадзини и своей воли от геройской инициативы Гарибальди, она стала молодежью, полной отваги и героизма, но совершенно лишенной своей собственной воли и почти безмозглой.

Хуже всего то, что она привыкла смотреть на народные массы с презрением и совершенно не заниматься ими. Абстрактный патриотизм, которым она питалась в продолжение стольких лет в школе своих двух великих вождей, Мадзини и Гарибальди, и который стремится единственно и почти исключительно к установлению независимости, величия, могущества, славы, чести и, если хотите, политической свободы единого государства, побуждая ее к самому благородному, самому геройскому жертвованию собой и своими собственными интересами, в то же время заставлял ее смотреть на народ, как на некоторого рода материал для лепки в распоряжении государства, как на пассивную массу, более или менее неразумную и грубую, которая должна считать себя весьма польщенной и очень счастливой тем, что она служит более или менее слепым орудием и жертвует собою – чему? величию и тому, что на гарибальдийски-мадзиниетском жаргоне называется «свободой», Италии.

Молодежь, идущая за Мадзини и Гарибальди, никогда не задавала себе следующего вопроса: что представляет в действительности это итальянское государство для народа? Почему он должен его любить и жертвовать для него всем? Когда задавали этот вопрос Мадзини, – и задавали ему его лишь очень редко, таким казался он простым и легким, – он отвечал громкими фразами: «Отечество, данное Богом! Святая историческая миссия! Культ гробниц! Память о мучениках! Давние и славные традиции! Древний Рим! Папский Рим! Григорий VII! Данте! Савонарола! Народный Рим!». И это было столь туманно, столь

прекрасно и в то же время так нелепо, что этого достаточно было, чтобы ослепить и оглушить юные умы, более способные на энтузиазм и веру, чем на разумение и критику. И итальянская молодежь, отдавая свою жизнь за это нелепое отечество, проклинала грубость и материализм масс, в особенности крестьян, которые никогда не обнаруживали склонности жертвовать собою за величие, а также и за независимость этого политического отечества, государства.

Если бы молодежь взяла на себя труд подумать хорошенько, она, быть может, давно уже поняла бы, что это решительное равнодушие народных масс к судьбам итальянского государства, не только не является позором для них, но, наоборот, доказывает их инстинктивную разумность, заставляющую их угадывать, что это единое и централизованное Государство, по самой своей природе, не только чуждо им, но и враждебно и что оно выгодно только для привилегированных классов, которым оно гарантирует, в ущерб им, господство и богатство. Процветание государства, это нищета действительной нации, народа; величие и могущество государства являются рабством народа. Народ естественный и законный враг государства; и хотя он подчиняется власти, – увы, слишком часто! – всякая власть ему ненавистна. Государство не отечество; это абстракция, метафизическая, мистическая, политическая, юридическая фикция отечества. Народные массы всех стран любят глубоко свою родину; но это естественная, реальная любовь; народный патриотизм не идея, а факт; а политический патриотизм, любовь к государству не является верным выражением этого факта, а выражением извращенным, посредством лживой абстракции и всегда в пользу эксплуатирующего меньшинства. Отечество, национальность, также как и индивидуальность, естественный и социальный и в тоже время физиологический и исторический факт: это не принцип. Человеческим принципом можно называть лишь то, что универсально, обще всем людям: но национальность их разделяет; она, стало быть, не принцип. Но принципом является уважение, какое каждый должен иметь к естественным, реальным или социальным фактам. Национальность же, как и индивидуальность, один из этих фактов. Мы должны, стало быть, её уважать. Нарушать ее, это совершить проступок, и, говоря языком Мадзини, она является священным принципом всякий раз, тогда ей угрожают и когда она насилуется. И поэтому я чувствую себя искренно и всегда патриотом всех угнетенных отечеств.

Отечество представляет бесспорное и священное право всякого человека, всякой группы людей, товариществ, коммун, областей, наций жить, чувствовать, думать, хотеть и действовать по своему, и эта манера жить и чувствовать является всегда неоспоримым результатом долгого исторического развития.

Мы преклоняемся, следовательно, перед традицией, перед историей; или, вернее, мы признаем их, не потому, что они представляются нам абстрактным барьером, метафизически, юридически и политически построенным учеными толкователями и профессорами прошлого, но только потому, что они действительно вошли в кровь и плоть, в реальную мысль и волю существующих народов. Нам говорят: «такая то страна – Тессинский кантон, например, – явно принадлежит итальянской семье: язык, нравы, все у него общее с ломбардским населением, следовательно, он должен войти в состав великого объединенного итальянского государства. Мы ответим, что это совершенно ложное заключение. Если действительно существует серьезное сходство между Тессином и

Ломбардией, то нет никакого сомнения, что Тессин самостоятельно присоединится к Ломбардии. Если он этого не делает, если он не испытывает ни малейшего желания это сделать, то это доказывает только, что действительная история, которая создавалась из поколения в поколение в действительной жизни тессинского народа и которая сделала его тем, чем он есть, отлична от истории, написанной в книгах.

С другой стороны, нужно заметить, что действительная история, как личностей, так и народов, не создается только путем положительного развития, но очень часто посредством отрицания прошлого и бунта против него; и это есть право жизни, неотъемлемое право существующих поколений, гарантия их свободы. Провинции, которые долгое время были объединены между собою, всегда имеют право отделиться одна от другой, их могут побуждать к этому различные религиозные, политические, экономические причины. Государство, наоборот, претендует держать их силою объединенными, и в этом оно глубоко неправо. Государство, это брак по принуждению, и мы выставляем против него знамя свободного союза. Точно также, как мы убеждены, что, уничтожая религиозный, гражданский и юридический брак, мы возвращаем жизнь, реальность и нравственность естественному браку, основанному единственно на взаимном человеческом уважении и свободе двух человек, мужчины и женщины, которые любят друг друга; что признавая за каждым из них свободу расстаться с другим, когда он этого захочет, не прося для этого чьего бы то ни было позволения; что отрицая также необходимость позволения для того, чтобы соединиться, и отвергая, вообще, всякое вмешательство какой бы то ни было власти в их союз, мы сделаем более тесным их союз, более верными и честными их в отношениях друг к другу; мы также убеждены, что когда не будет больше проклятой государственной силы, чтобы принуждать личностей, сообщества, коммуны, провинции, области жить вместе, они будут более тесно связаны между собою, и будут составлять гораздо более живое, более действительное, более могучее единство, чем то, которое они образуют вынужденно теперь, под для всех одинаково тягостным давлением государства.

Мадзини и все сторонники единства становятся в противоречие с самими собою, когда они, с одной стороны, говорят вам о глубоком, близком братстве, существующем в этой группе двадцати пяти миллионов итальянцев, объединенных языком, традициями, нравами, верою и общностью стремлений, а, с другой стороны, хотят сохранить, что я говорю? усилить могущество, государства, необходимого, говорят они, для поддержания единства. Но если они действительно так неразрывно связаны между собою, принуждать их к объединению излишняя роскошь, бессмыслица; если, наоборот, вы считаете необходимым их принуждать, это доказывает, что вы убеждены, что они не очень то связаны между собою, и что вы лжете, что вы хотите ввести их в заблуждение на их собственный счет, когда вы говорите им об их единстве. Социальное единство, реальный результат совокупности традиций, привычек, обычаев, идей, существующих интересов и общих стремлений, есть живое, плодотворное, действительное единство. Политическое единство, государство, есть фикция, абстракция единства; и оно не только скрывает в себе раздор, оно еще его искусственно производит там, где без этого вмешательства государства живое единство непременно существовало бы.

Вот почему социализм федералистичен и почему весь Интернационал приветствовал с энтузиазмом программу Парижской Коммуны. С другой стороны, Коммуна ясно

провозгласила в своих воззваниях, что она хотела вовсе не уничтожения национального единства Франции, но его воскрешения, укрепления, оживления, и полную и действительную народную свободу. Она хотела единства нации, народа, французского общества, а не государства.

Мадзини дошел в своей ненависти к Коммуне до глупости. Он утверждает, что система, провозглашенная последней парижской революцией, возвратит нас к средневековью, т. е. к разделению всего цивилизованного мира на массу мелких центров, чуждых друг другу и не признающих друг друга. Он не понимает, бедняга, что между средневековой коммуной и современной коммуной существует громадная разница. За пять веков изменилась не только книжная история, изменились нравы, стремления, идеи, интересы и потребности народов. Итальянские коммуны вначале были действительно обособлены, являлись совершенно независимыми политическими и социальными центрами, между ними отсутствовала солидарность и они поневоле должны были довольствоваться сами собой.

Какая разница с тем, что существует теперь! Материальные, умственные и нравственные интересы создали между всеми членами одной и той же нации, что я говорю? между самыми различными нациями социальное единство, настолько могучее и действительное, что все, что делают ныне государства, чтобы парализовать его и уничтожить, остается бессильным. Единство ничто не может побороть, и оно переживет государства.

Когда исчезнут государства, живое, плодотворное и благотворное единство областей и наций, международное единение сначала всего цивилизованного мира, потом всех народов земли, путем свободной федерации и организации снизу вверх, будет развиваться во всем своем величии, не божественном, а человеческом.

Патриотическое движение итальянской молодежи под руководством Гарибальди и Мадзини было законно, полезно и славно; не потому, что оно создало политическое, единство, единое итальянское государство, – наоборот, это было его ошибкой, потому что оно не могло создать это единство, не принеся ему в жертву свободу и благосостояние народа, – но потому, что оно разрушило различные политические господства, различные государства, которые искусственно и насильственно мешали народному социальному объединению Италии.

Совершив это славное дело, итальянская молодежь должна теперь совершить другое дело, еще более славное. Она должна помочь итальянскому народу разрушить единое итальянское государство, которое она основала своими собственными руками. Она должна противопоставить знамени политического единства Мадзини федеральное знамя итальянской нации, итальянского народа.

Но нужно различать федерализм и федерализм.

В Италии существует традиция областного федерализма, который ныне стал политической и исторической ложью. Скажем раз навсегда: прошлое никогда не возвращается, и было бы большим несчастьем, если бы оно могло возвращаться. Областной федерализм мог бы быть лишь аристократически-консортерийским учреждением, ибо по отношению к коммуна и

промышленным и земледельческим рабочим товариществам это было бы опять политической организацией сверху вниз. Истинно народная организация, наоборот, начинается снизу, с товариществ и коммун, организуя, таким образом, снизу вверх, федерализм становится политическим институтом социализма, свободной и самопроизвольной организацией народной жизни.

Выше я сказал, что наиболее сознательная часть республиканской молодежи начала сначала отходить от Мадзини на почве свободной мысли. Но свободная мысль, вырвав ее из власти прежних предрассудков и предубеждений, пробудила в ней два новых инстинкта: инстинкт действительной, практической свободы и инстинкт живой действительности. Эти два инстинкта заставили ее уже сделать шаг вперед: задолго до 1870 и 1871 г. г, с 1866 и 1867 гг. она начала чувствовать склонность к федерализму, не высказывая, однако, этого громко, из боязни не понравиться Гарибальди и, в особенности, Мадзини. С другой стороны, ее федерализм еще не нашел своей основы, социализма, а без этой основы его нельзя было ясно формулировать, не впад в неразрешимые противоречия.

Восстание Парижской Коммуны, ее программа одновременно, социалистическая и федералистическая, ее борьба и геройский конец произвели спасительную революцию в сознании и чувствах этой избранной части итальянской молодежи. Ставши социалистической, она нашла основу, которой не доставало ее федерализму.

Да, она стала социалистической и становится ею с каждым днем все больше и больше, и воздадим ей за это благодарность. Она стала социалистической, что означает, что она открыла свое благородное сердце, – до того времени сбитое с пути теологическими, метафизическими и политическими заблуждениями Мадзини и очерствелое чудовищно честолюбивым культом Государства, – жизни, страданиям и действительным стремлениям народа. Теперь она больше не презирает его: она любит его и стала способна служить его великому и святому делу. И теперь, когда она перестала висеть головой вниз между небом и землей, как еще висят верные мадзинисты, теперь, когда она нашла и чувствует под своими ногами твердую почву, – умная, горячая, геройская и преданная до самопожертвования, – можно быть уверенным, что она совершит великие дела. Что же касается молодежи, которая остается мадзинистской, после тщетных усилий и бесплодных восстаний, она погибнет вместе с буржуазией, которой Мадзини принуждает ее ныне оказывать жандармские услуги.

Возвращаясь к разбору классов и различных наций, составляющих современную Италию. О мелкой буржуазии мне нечего много говорить. Она мало отличается от пролетариата, будучи почти такой же несчастной, как и он. Она не начнет социальной революции, но она бросится в нее с головой.

Городской пролетариат и крестьяне составляют настоящий народ. Первый, разумеется; более передовой; чем крестьяне.

4. Городской пролетариат имеет патриотическое прошлое, которое в некоторых городах Италии восходит до средних веков. Таково прошлое Флоренции, например, которая отличается ныне среди всех городов некоторой апатией и очень заметным отсутствием

энергичных и сильных стремлений. Ее великая историческая задача как бы истощила ее, по крайней мере частично, как она истощила совершенно флорентийскую буржуазию, скептическое равнодушие которой так живописно выражается в ее Che! Che! Пролетариат итальянских городов, существенным образом, исключительно городской, глубоко обособленный, на всем протяжении истории Италии, от крестьянских масс, образует, конечно, весьма несчастный класс, очень угнетенный, но, тем не менее, наследственный класс и очень характерный. Как класс, он подчиняется историческому и неизбежному закону, который определяет карьеру и продолжительность каждого класса по тому, что он сделал и как жил в прошлом. Коллективные индивидуальности, все классы в конце концов истощаются, как и личности. То же самое можно сказать о народах, взятых в целом, с той разницей, что каждый народ, обнимающий все классы и самые массы, которые еще не составляют класс, бесконечно более обширный, обладает значительно большим материалом и, следовательно, кончает свое поприще гораздо позднее, чем все классы, образовавшиеся в его среде. Это наиболее сильная и наиболее богатая коллективная индивидуальность; но и она также в конце концов истощается, изживает.

И именно это физиологическое, историческое и неизбежное истощение объясняет историческую необходимость двоякого движения, которое в настоящий момент, с одной стороны, толкает классы слиться с широкими народными массами, а с другой, ведет народы и нации к созданию новой жизни, более плодотворной и широкой в Интернационале. Будущее, долгое будущее принадлежит на первом месте созданию международного европейско-американского объединения. Позже, но гораздо позже, эта европейско-американская Нация органически сольется с азиатским и африканским агломератом народов [3] . Но это будет в слишком отдаленном будущем, чтобы мы могли говорить теперь об этом с некоторой положительностью и точностью. Возвращаясь, стало быть, к итальянскому пролетариату.

Чем больше ваш пролетариат принимал политическое участие в вашем историческом прошлом, тем меньше он имеет будущее, как класс обособленный от ваших крестьянских масс. Я показал, что участие флорентийского пролетариата в развитии и муниципальной борьбе средних веков надолго усыпило его. С начала девятнадцатого века, после вынужденной спячки, длившейся по меньшей мере три столетия, ломбардский, венецианский, генуэзский пролетариат и в особенности пролетариат всей средней Италии принимал более или менее активное участие в восстаниях, в заговорах и патриотических походах которыми полны анналы буржуазной молодежи последних семидесяти лет; и в результате в его среде образовалась партия, очень значительное мадзинистско-гарибальдийское меньшинство, которое окончательно присоединилось к политике единой буржуазной Республики. Если бы весь итальянский пролетариат последовал этому примеру, с ним было бы покончено, и надо было бы не в нем искать будущее Италии, а в одной только крестьянской массе, бесформенной и некультурной, но нетронутой и богатой элементами, которые не эксплуатировались историей.

К счастью городской пролетариат, не исключая рабочих, которые клянутся именами Мадзини и Гарибальди, никогда не мог мадзинироваться и гарибальдизироваться вполне и серьезным образом; и он не мог этого по той простой причине, что он пролетариат, т. е. угнетенная, обобранная, нищая, голодная масса, которая, вынужденная голодом трудиться,

необходимо обладает логикой труда.

Рабочие мадзинисты и гарибальдийцы могут принять программы Мадзини и Гарибальди; но в них, в их исхудалых и бескровных детях и женах, спутницах их в нищете и страданиях, в их повседневном действительном рабстве всегда будет что то, что призывает социальную революцию! Они все социалисты вопреки себе, за исключением только некоторых, – быть может одного на тысячу, – которые благодаря личной ловкости, удаче и мошенничеству, вступили или надеются вступить в ряды буржуазии. Все другие, я говорю о рабочих мадзинистах и гарибальдийцах, являются ими только в воображении, или еще по привычке, но в действительности они могут быть только революционными социалистами.

И ваш долг ныне, дорогие друзья, организовать умную, честную, и в особенности упорную пропаганду, чтобы дать им понять это. Для этого вам нужно будет только объяснить им программу Интернационала, растолковав им то, что в ней говорится. И если вы организуетесь для этого во всей Италии организуетесь стройно, братски, не признавая других вождей, кроме самого вашего юного коллектива, клянусь вам, что через год не будет больше рабочих мадзинистов ни гарибальдийцев, что все станут революционными социалистами, разумеется, патриотами, но в самом человеческом смысле этого слова, т. е. патриотами и интернационалистами в одно и то же время. Вы создадите таким образом незыблемую основу будущей социальной революции, которая спасет Италию и вернет ей жизнь, ум и всю инициативу, принадлежащую ей среди наиболее прогрессистских наций Европы.

И когда вы совершите этот великий акт, рабочие, которые раньше были мадзинистами и гарибальдийцами, станут сами весьма драгоценными апостолами „нашей религии“ без Бога, так как и по своей природе, и по своему уму, ныне сбитого с правильного пути, и по опыту, приобретенному им в прошлой борьбе под знаменами Мадзини и Гарибальди, они, конечно, самые энергичные, самые преданные и самые способные из всего пролетариата Италии. Они привыкли к заговорам и организации, и эта привычка окажет вам драгоценные услуги.

Организованные, не индивидуально, а коллективно, в тесные группы, они станут тогда вождями широких масс пролетариата, как городского, так и сельского. Эти широкие массы, в которых политические программы Мадзини и Гарибальди никогда не могли вызвать энтузиазма, не смогут устоять против пропаганды нашей программы, которая является наиболее простым выражением их самых глубоких внутренних инстинктов и которую можно резюмировать в нескольких словах:

Мир, освобождение и счастье всем угнетенным!

Война всем угнетателям и грабителям!

Полное возвращение рабочим: капиталы, фабрики, все орудия труда и сырье товариществам; земля тем, кто ее обрабатывает своими руками.

Свобода, справедливость, братство всем человеческим существам, которые родятся на земле.

Равенство для всех.

Для всех безразлично все средства развития, воспитания и образования и одинаковая возможность жить, работая.

Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и нации в международный братский союз.

Что касается способа организации общественной жизни, труда и общественной собственности, программа Интернационала не навязывает ничего абсолютного. Интернационал не имеет ни догматов ни единообразных теорий. В этом отношении, как во всяком живом и свободном обществе, много различных теорий дебатировались в его среде. Но он принимает за основу своей организации вполне независимое развитие и самопроизвольную организацию всех союзов и всех коммун, при условии, однако, чтобы эти союзы и коммуны в основу своей организации клали вышеизложенные общие начала, обязательные для всех, желающих войти в Интернационал. В остальном Интернационал полагается на спасительное действие свободной пропаганды идей и на тождественность и естественное равновесие интересов.

5. Крестьяне, это огромное большинство итальянского населения, почти совершенно не тронутое культурой, потому что у него не было еще никакой истории, так как вся история вашей страны, как я уже заметил и как вы сами знаете это лучше меня, до настоящего момента сосредоточивалась гораздо в большей степени еще, чем во всякой другой европейской стране, единственно и исключительно в городах. Ваши крестьяне не принимали участия в истории и знают ее только по тем ударам, которые она наносила им в каждом новом фазисе своего развития, по нищете, рабству и бесчисленным страданиям, каким она их подвергала. Так как все эти несчастья всегда приходили к ним из городов, то естественно, что крестьяне не любят города ни их обитателей, включая сюда и самих рабочих, относившихся к ним с некоторым пренебрежением, за что они, в свою очередь, платили им недоверием и подозрительностью. Это-то исторически отрицательное отношение к политике городов, а не религия итальянских крестьян, и составляет силу священников в деревнях. Ваши крестьяне суеверны, но они совсем не религиозны; они любят церковь, потому что она чрезвычайно сценична и своим театральными и музыкальными церемониями скрашивает монотонность их деревенской жизни. Церковь для них, как солнечный луч в их жизни, полной убийственного труда, страданий и нищеты.

Крестьяне не питают ненависти к священникам, большинство которых, впрочем, – и именно те, которые живут в деревнях, – вышли из их среды. Почти нет ни одного крестьянина, у которого не было бы среди служителей Церкви какого-нибудь более или менее близкого или, по крайней мере, дальнего родственника. Священники, по немножку эксплуатируя их и награждая потомством их жен и дочерей, делят с ними их жизнь и отчасти также их бедность. У них нет этого пренебрежения к крестьянам, какое оказывают им буржуа, они

живут за панибрата с ними, как добрые малые, и часто играя роль забавников. Крестьянин часто смеется над ними, но не ненавидит их, ибо он свыкся с ними, как с насекомыми, которые копошатся в бесчисленном количестве у него в голове.

С другой стороны, нет сомнения, что как только вспыхнет социальная революция, многие из этих священников бросятся в нее с головой. Они уже сделали это в Сицилии и Неаполитании во время политической революции. А что произойдет во время социальной революции? Политическая революция, абстрактна, метафизична, призрачна и обманчива для народных масс, и так как деревенский священник стоит близко к народу по своей природе, по большинству условий своего существования, она не может иметь для него притягательной силы и удовлетворять его надлежащим образом. Но социальная революция, являющаяся революцией жизни, бесспорно увлечет его, как она увлечет весь деревенский люд.

Не пропаганда свободной мысли, а одна только социальная революция может убить религию в народе. Пропаганда свободной мысли, конечно, очень полезна; она необходима, как прекрасное средство, чтобы обратить лиц, уже передовых по своим воззрениям; но она не пробьет брешь в народе, потому что религия не только заблуждение, извращение мысли, но еще, и в особенности, протест живой могучей природы масс против узости и мизерности действительной жизни. Народ ходит в церковь, как он ходит в кабак, для того чтобы одурманить себя, забыть свою нищету, чтобы увидеть себя в воображении, на несколько мгновений по крайней мере, свободным и счастливым наравне со всеми другими. Дайте ему человеческое существование и он не будет больше ходить ни в кабак ни в церковь. Это человеческое существование одна только социальная революция должна и может ему дать.

Крестьянин в большей части Италии беден, еще беднее, чем городской рабочий. Он не является собственником, как во Франции, и это большое счастье, конечно, с точки зрения революции; и он имеет сносное существование, как арендатор, только в небольшом числе областей. Следовательно, итальянская крестьянская масса составляет уже огромную и всемогущую армию для вашей социальной революции. Руководимая городским пролетариатом и организованная революционной социалистической молодежью, эта армия будет непобедима.

Следовательно, дорогие друзья, одновременно с организацией городских рабочих вы должны употребить все средства, чтобы уничтожить барьер, разделяющий городской пролетариат от деревенского люда, объединить и организовать эти два класса общества в один. От этого зависит спасение Италии. Все другие классы должны исчезнуть с поверхности ее земли, не как личности, но как классы. Социализм не жесток, он в тысячу раз человечнее якобинства, я хочу сказать политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие, лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество и история. Социалисты, правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне.

Социализм будет вести беспощадную войну против „социальных положений“, не против людей; и когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишенные всех средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий; ибо их теперешняя сила заключается не в них самих, не в их внутренних присущих им качествах, а в их богатстве и поддержке государства.

Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но, поборов их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: „Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали нашими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всем другом, первый шаг труден, и мы по братски поможем вам переступить его“. Тогда те, кто, будучи крепок и здоров, не захочет зарабатывать себе жизнь трудом, будут иметь право умереть с голоду, если только они не захотят вести скромное и жалкое существование насчет общественной благотворительности, которая, конечно, не откажет им в строго необходимом.

Что касается их детей, то без всякого сомнения они сделаются мужественными работниками и людьми равными и свободными. В обществе будет, конечно, меньше роскоши, но бесспорно гораздо больше богатства, и, кроме того, будет одна роскошь, которая в настоящий момент никому не знакома, роскошь человечности, счастье полного развития и полной свободы каждого в равенстве всех.

Таков наш идеал.

Таким образом, все классы, перечисленные мною, должны исчезнуть в социальной революции, за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками, вероятно коллективными, – в разных формах и в разных условиях, определенных каждой местности, в каждой области и каждой коммуне степенью цивилизации и волею населения, – один собственником капиталов и орудий производства, другой земли, которую он обрабатывает своими руками; оба организуются, побуждаемые своими потребностями и взаимными интересами, одинаковым способом и в то же время совершенно свободно, необходимо и естественным образом взаимно уравнивая друг друга.

Наука, у которой не будет другого авторитета, кроме авторитета разума и рационального доказательства, ни другого способа воздействия кроме свободной пропаганды, наука, которая в настоящий момент создает педантов, станет свободной и поможет им в этой работе.

Вот, стало быть, что представляет, как в Италии, так и везде, живая нация, народ будущего, городской и сельский пролетариат. Все остальное умирает или умерло, иссякло или развращено.

Хотите вы быть живыми? Надоело вам бесполезно вертеться в заколдованном кругу? Думать, ничего не изобретая? Кричать на все четыре стороны, постоянно повторяя одно и то же публике, которая вас больше не слушает? Постоянно суетиться, ничего не делая? Хотите вы избежать приговора, который висит над миром, в котором вы родились? – Хотите вы,

наконец, жить, думать, изобретать, действовать, создавать, быть людьми? Откажитесь окончательно от буржуазного мира, от его предрассудков, его чувствований, его тщеславия, и становитесь во главе пролетариата. Защищайте его дело посвятите себя этому делу, отдайте ему свою мысль, и он даст вам силу и жизнь.

Организируйте городской пролетариат во имя революционного социализма и, делая это, объедините его в одной общей подготовительной организации с крестьянами. Восстание городского пролетариата недостаточно; с ним у нас будет только политическая революция, которая неизбежно вызовет против себя естественную, законную реакцию деревенского люда, и эта реакция или только равнодушие крестьян задушит городскую революцию, как это недавно произошло во Франции. Одна только всеобъемлющая революция достаточно сильна, чтобы ниспровергнуть организованную силу государства, поддерживаемую всеми ресурсами богатых классов. Но всеобъемлющая революция, это социальная революция, т. е. революция одновременно в городах и деревнях. Это-то и нужно организовать, – потому что без подготовительной организации наиболее мощные элементы бессильны и ничтожны.

Мы поговорим в другой раз об этой организации.

Интернационал дает вам ее основы, распространите его на всю Италию, и остальное придет само собою.

Интернационал не уничтожает национальности, нации, он обнимает их все, не выкидывая ни одной. Он не может поступать иначе, потому что его основной принцип это самая широкая свобода, Интернационал не ведет войны против естественных отечеств; он воюет только против политических отечеств, против государств, и он должен вести эту войну; потому что, желая серьезно полного и окончательного освобождения пролетариата, он необходимо должен стремиться к уничтожению всех классов, т. е. всех экономических привилегий, государства же являются лишь организацией и гарантией экономических привилегий и политического господства классов. Объявляя войну классам, он должен вести войну против государств. Мадзини хочет не только сохранения, но еще и усиления итальянского государства; следовательно, он должен хотеть и хочет сохранения буржуазного класса; следовательно, он должен бояться Интернационала и ненавидеть его, и он боится его и ненавидит. Он клеветает на него и старается погубить его; он хотел бы утопить его в мнении итальянского пролетариата. Его проклятия, его плачь напуганного и возмущенного Иеремии достаточно доказывают это. В конце концов, он показывает себя тем, чем он есть, буржуазным, религиозно экзальтированным республиканцем, политическим фанатиком.

Вот, как он кончает свое воззвание к рабочим против Интернационала:

Воспитывайтесь и учитесь: как только можете (но черпайте свои знания, главным образом из хороших источников и остерегайтесь прислушиваться к голосу иностранных сирен); не отделяйте никогда свою судьбу от судеб отечества (на это рабочие должны ответить: „Мы не можем отделять себя от своего отечества, потому что отныне отечество, это мы, итальянские рабочие, вне которых в нашей стране мы видим только врагов отечества. Мы итальянцы, это факт, но это обстоятельство нисколько не отделяет нас от рабочих других

стран: они наши братья, тогда как буржуа нашей страны-наши враги. Вот, в каком смысле мы хотим входить в Интернационал, который составляет мировое отечество работников против мирового отечества хищников и угнетателей труда”), но оказывайте братскую поддержку всякому предприятию, стремящемуся сделать его свободным и великим. (Есть свобода и свобода. Есть свобода народная, которая может быть завоевана только путем социальной революцией и уничтожением государства; но есть также буржуазная свобода, основанная на рабстве пролетариата и которая неизбежно стремится к тому величию государства, о котором говорит Мадзини. Он приглашает, стало быть, пролетариат принять, как свою, буржуазную политику, главная и постоянная цель которой обратить его в рабство.) Умножьте свои союзы и объедините в них, там, где это возможно, промышленного рабочего с земледельческим, город и деревню. (В первый раз Мадзини дает подобные советы городским рабочим и, вообще, удостаивает заняться крестьянами. По крайней мере, я помню, что в Лондоне каждый раз, когда я замечал ему, что я считал необходимым революционизировать итальянских крестьян, он мне всегда отвечал: „Пока нечего делать в деревнях, революция должна сначала совершиться исключительно в городах; потом, когда мы совершим революцию в городах, мы займемся деревней“. Тогда я не понимал то, что я называл ослеплением Мадзини; но теперь я прекрасно понимаю его мысль. Он вовсе не, был слеп, наоборот, он превосходно видел все. Желая только политическую революцию, не разрушения государства, а замену его другим каким-нибудь господством или другим государством, он тысячу раз прав не хотеть крестьянской революции, потому что эта революция может быть только социальной, – как это доказали недавние восстания против закона *macinato* [4] . Мадзини это знает, и поэтому он обращался исключительно к городскому пролетариату, который он надеется „обуржуазить“, тогда как „обуржуазить“ крестьян ему казалось невозможным. Теперь он надеется, по-видимому, воздействовать также и на крестьян, не прямо, а посредством городских союзов, которые будут преданны ему. Странная иллюзия!) Старайтесь создавать в большом количестве кооперативные общества и потребительские общества. (Было доказано экономической наукой и многочисленными опытами, произведенными с 1848 г. во Франции, Англии, Бельгии, Германии, Швейцарии, и в последнее время в Италии и Испании, что потребительские общества, организованные в небольших размерах, могут внести небольшое улучшение в тяжелое положение рабочих, но как только они начинают развиваться и им удастся чувствительным образом и устойчиво понизить цены на предметы первой необходимости, это влечет неизбежно понижение заработной платы. Впрочем, этот отмеченный факт обгоняется легко. Рабочая масса, вынужденная продавать свой труд, чтобы обеспечить себе пропитание, возрастает всегда в большей пропорции, чем капиталы, служащие на оплату их труда. Рабочие, стало быть, составляют конкуренцию друг другу в предложении труда, которое почти всегда превышает требование на труд, что вынуждает их продавать свой труд по наивозможно низкой цене. Но они не могут требовать меньше того, что им абсолютно необходимо для существования. Отсюда происходит, что когда цены на продукты растут, они должны требовать большую заработную плату; и, наоборот, когда цены на продукты падают, они могут согласиться на меньшую заработную плату, и они всегда вынуждены согласиться на это, благодаря конкуренции их между собою. Понятно, следовательно, что когда потребительские общества достаточно развиваются, чтобы вызвать устойчивое, общее и чувствительное понижение цен на предметы первой необходимости, заработная плата должна понизиться. Этот факт установлен опытом и доказан теоретически наиболее известными экономистами Англии, Германии, Бельгии и

Франции. Лассаль, знаменитый немецкий социалист-революционер, основатель Allgemeiner deutscher Arbeiterverein, коммунистического союза, на этом факте главным образом базировал свою блестящую, кончившуюся победой полемику против: Шульце-Делича, буржуазного социалиста, первого и главного основателя кооперативных обществ в Германии. Вот, стало быть, к чему сводится весь социализм Мадзини: к великой иллюзии для рабочих и к великому спокойствию для буржуа. После чего он говорит итальянскому пролетариату: Положитесь на будущее (т. е. на меня, который будет генералом, а вы моими солдатами); объединитесь и составьте тесную, сплоченную массу на подобие армии.

Ныне вы не существуете. (Браво! Тем, которые одни только существуют, он заявляет, что они не существуют! Призрак говорит действительности: „Ты ничто!“ Нужно быть неисправимым буржуа, чтобы решиться сказать подобную вещь пролетариату и сказать это с убеждением, как это, конечно, делает Мадзини.) Ваши общества морально связаны между собою общими стремлениями (и эти действительные, инстинктивные стремления, имеющие в основе не теорию Мадзини, а социальное положение итальянских рабочих, обратны тому, чего желает и на что надеется Мадзини), но никто не имеет права говорить кроме, как от своего личного имени, никто не в состоянии дать услышать стране голос всего класса, ремесленников для изъявления его нужд и желаний, никто не может сказать с должным авторитетом: Вот, чего хотят, вот, что отвергают рабочие Италии. (Это право Мадзини и надеется завоевать на съезде в Риме. И когда оно ему будет дано, горе неверующей, социалистической и революционной молодежи Италии! Вооруженный этим фиктивным правом, которое не преминет оказать сильное влияние на суеверное воображение самих рабочих, он раздавит ее, именем фикции пролетариата. Он скажет ей: „Сыны буржуазии, подчинитесь итальянскому народу!“) Без братского (рабского) договора, без руководящего центра вы не можете приобрести, ни дать другим приобрести сознание силы, имеющейся в вас (Это все то же отрицание действительной коллективной силы в пользу власти. Мадзини говорит этим рабочим: „Прошу вас, дети мои, дайте мне вашу силу. Мне нужна она, чтобы надеть на вас цепи, иначе вы можете стать опасными для существования моих добрых буржуа“. Это и называется: Национальный Договор.)

Рим, колыбель цивилизации, теперь наш; но он наш только наполовину, он наш только материально, и нам всем выпало надолго влить в него душу Отечества (буржуазного) и получить от него (через посредство Пророка и Папы новой религии) освящение пути, по которому мы должны следовать (все по новой мадзинистской религии), чтобы исполнились наши судьбы и чтобы могучее проявление итальянской жизни сделало святым и плодотворным Союз (Аллилуйя!) Почему не поспешить вам в Рим на съезд, чтобы получить там новое крещение вашего Братства? Может быть, кроме огромной выгоды, которая отсюда последует для вас, вы напомниме Италии своим примером и в некотором роде, как инициаторы (вот как!), что из Рима должен выйти другой, более широкий Договор, Национальный Договор, определение вашей будущей жизни (Прокустово ложе, приготовленное догматизмом Мадзини, чтобы упрятать в него все будущее несчастной Италии), без которого Рим и Италия только пустые названия.

Вот, что ясно: если не примут мадзинистскую программу, Рим и Италия не достойны больше жить, они ничто.

Я покончил с цитатами из Мадзини. Цитированное мною достаточно, чтобы раскрыть вам его цель. Он хочет стать действительно новым Папой и созывает в Риме итальянских рабочих, чтобы воздвигнуть папский престол, с высоты которого, дабы проявить свою силу, он будет провозглашать ex cathedra, от имени итальянского пролетариата, громовые проклятия против Парижской Коммуны, Интернационала, атеистической молодежи и против меня „бедного варвара“ который осмелился выступить с защитой Человечества, истины и справедливости против него, представителя Бога на земле.

Ваша задача, ваш долг, дорогие друзья, мне кажутся очень ясными. Мадзини сам постарался указать их вам и принудил вас, так сказать, открыто высказаться за Интернационал. Обратите внимание с другой стороны на странное согласие, какое замечается ныне между иезуитами, Consorteria и Мадзини. Иезуиты говорят и пишут во всех своих сочинениях: „Или иезуитизм или Интернационал, середины нет.“ Consorteria повторяет иначе ту же фразу, тот же аргумент: „Если вы не будете поддерживать и не усилите правительство в наших руках, вы погибнете. Между властью и торжеством Интернационала нет середины“. Наконец, Мадзини говорит итальянским рабочим: „Интернационал есть Зло; я-Добро; выбирайте“.

Все, стало быть, иезуиты, Consorteria и Мадзини, каждый с своей стороны, говорят, что Интернационал Им абсолютно противоположен. А так как вы не хотите быть ни иезуитами, ни членами Consorteria и так как ваши противогриппозные верования не позволяют вам больше быть апостолами политической теологии Мадзини, то вы должны, если хотите быть чем-нибудь, стать работниками Интернационала.

Мадзини толкает вас туда всеми силами, со всем жаром своего красноречия. Многие из вас, из любви к спокойствию и из боязни скандала, а, главным образом, благодаря законной и вполне заслуженной привязанности к Мадзини, предпочли бы оставаться по отношению к нему в двусмысленном положении, в каком вы находились эти последние годы, т. е. быть мадзинистами не в теории, а на практике. Но логичнее и энергичнее вас, он с очевидностью доказал вам теперь, что отныне это стало невозможным, и он вынуждает вас сделать выбор между полным самоубийством, умственным, нравственным, политическим и социальным уничтожением и открытым восстанием против него.

Если вы выберете первое, вы станете ответственными сотрудниками гибели, унижения, позора и рабства своего отечества; если вы выберете второе, вы сделаетесь провозвестниками и главными деятелями его освобождения.

Можете ли вы колебаться?

Одна из причин, и я полагаю главная, вашего колебания, это боязнь огромной ответственности, какую вы, конечно, возьмете на себя, открыто и окончательно порвав, не только с теориями, но и с политической деятельностью Мадзини, встав таким образом в оппозицию ко всей демократии или, скорее, ко всей республиканской партии вашей страны, привыкшей больше не думать, не чувствовать, не хотеть самостоятельно, а слепо следовать за своими двумя великими вождями Мадзини и Гарибальди. Эта партия, взятая в целом, будет, разумеется, поражена и испытает суеверный ужас при виде „неизвестных“ молодых

людей, – это крупный аргумент всех глупцов, вы это знаете, – осмелившихся открыто восстать против своих уважаемых вождей и взять на себя смелый почин новой политики, независимой от того и другого. В первый момент они будут, может быть, сторониться от вас, как от кучки злодеев, изменников, зачумленных. С вами будут бороться со всем вероломным и глупым остервенением, на какое способны мадзинисты, как они не раз доказали в течение своей борьбы, и которое обнаруживает в них натуру теологов и жрецов. Будут стараться образовать пустоту вокруг вас и, конечно, сделают все возможное, чтобы отдалить от вас рабочие массы. Словом, вам придется пережить тяжелые минуты, и чтобы выйти с честью из трудного положения, вы должны будете пустить в ход весь свой ум, сердце, веру, взяться за дело самым настойчивым, самым решительным и энергичным образом.

Это – предприятие и опыт, которые требуют героизма совершенно другого закала, чем тот, который необходим для того, чтобы бороться под знаменем Гарибальди. Там достаточно немного темперамента, немного физической храбрости и способность переносить лишения и усталость в продолжение нескольких недель или самое большее нескольких месяцев; здесь, наоборот, берут на себя обязательство работать всю жизнь, и, как только что сделал наш друг Фортуньо в своей газете *Gazzettino Rosa*, клянутся посвятить ее всецело великой борьбе за освобождение пролетариата. Подобное обязательство самое серьезное, ибо оно влечет за собой, как неизбежное следствие, окончательный и полный разрыв с прошлым, со всем буржуазным миром, со всеми друзьями прошлого и союз на жизнь и на смерть с пролетариатом.

Будете вы иметь мужество совершить, со всей логикой, какой требует такая великая работа, и со всей энергией, необходимой, чтобы довести ее до конца, этот разрыв и этот союз?

Принимая во внимание положение, в какое вы сами поставили себя, заявив себя материалистами, атеистами, сторонниками Коммуны и Интернационала, социалистами и революционерами, одним оловом, мне кажется вы не можете больше колебаться, под страхом самоунижения; вы должны идти вперед и, приняв не только в теории, но и на практике все последствия этого нового символа веры, соединиться с нами против Мадзини.

Когда я думаю о глубокой искренности ваших убеждений, вашей мысли и ваших чувств, тогда мне кажется еще более очевидным, что вы должны принять это решение, которое одно только и остается вам, под страхом осудить самих себя на презрение.

Что может вас еще заставлять колебаться? Скрамность? Но скромность становится большой глупостью, безумием, преступлением, когда дело идет об исполнении великого долга. Только одна вещь могла бы еще вас остановить: это недоверие к самим себе.

Вот, в самом деле, как вы попытаетесь, быть может, рассуждать:

„Порвать разом с прошлым и со всеми прежними друзьями вещь легкая, и не менее легко объявить, что мы хотим начать новую политику. Но где мы возьмем средства и силы, чтобы“ исполнить подобное обещание? Мы бедны, малочисленны и почти неизвестны. Публика, наши прежние друзья, сами рабочие, ради которых мы принесем эту жертву, переступим

этот трудный шаг, попробуем совершить этот опасный скачек, будут высмеивать нас. Мы, одни, бессильны и неспособны исполнить свои обещания; мы смешны, и смешное убьет нас.»

Так вы будете рассуждать, если ваша любовь к справедливости и человечеству недостаточно сильна, если это только воображаемая платоническая любовь, а не одна из тех великих страстей, которые объемлют всю жизнь. Действительная и серьезная страсть никогда не рассуждает таким образом; она идет всегда вперед, она действует, всегда, не высчитывая своих средств, не считая препятствия, создавая одни и разрушая другие, толкаемая непобедимой силой, которая справедливо делает из нее страсть.

И нахожу, что рассуждения этих двух различных страстей верны каждое в своем роде. Первая права не доверять себе, потому прежде всего что она никогда не бывает постоянной, ни длительной; она бесплодна и не может ничего создать, ни средств ни друзей, и чаще всего опускает крылья при первом же препятствии; она бессильна и не может разумно иметь веру в себя. Но вторая, наоборот, очень часто права верить в свою собственную силу, так как она создает все средства, нужные ей для достижения своей цели, и увлекает и неуклонно создает себе друзей, при условии, чтобы она была социальной, а не эгоистической страстью.

Я предполагаю, я должен думать, что такова ваша страсть, и, исходя из этого предположения, я буду рассуждать вместе с вами. Вы говорите, что вы бедны, неизвестны, малочисленны и спрашиваете, какими средствами вы можете располагать, чтобы направить общественное мнение вашей страны по одному руслу, какое вам кажется хорошим и справедливым? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определить, о каком общественном мнении идет речь. Если вы говорите о буржуазном общественном мнении, тогда я первый скажу вам: «Откажитесь от такой смешной иллюзии; оставьте ее Мадзини, и пусть он забавляется обращением буржуазии.» Ибо то, что вы говорите, верно; ее можно постепенно обращать только путем прогрессивной и все более и более угрожающей организации мощи пролетариата и окончательно обратить только путем социальной революции, которая, чтобы ее совершенно вылечить, погрузит ее в экономическое и социальное равенство.

Но у вас есть другая публика, публика огромная, это пролетариат, – ваш народ. Этот последний инстинктом на стороне ваших идей и, следовательно, поймет вас и необходимо последует за вами. Но народ, скажете вы, не читает: для кого же мы будем писать? Я вам скажу в другой раз для кого; теперь же я вам скажу только, что если народ не читает, нужно ходить к нему, чтобы читать ему свои статьи. И потом, во всех городах в народе имеются люди, умеющие читать, которые поймут ваши статьи и сумеют объяснить их своим неграмотным товарищам. Но вы не будете писать свои статьи только для народа.

В среде самой буржуазии вы найдете симпатичных читателей, мужчин и женщин: ибо не все одинаково испорчено и обесплождено, но все стеснено и парализовано условиями общества, в котором они живут. Посредством своих газет вы привлечете, стало быть, к себе все, что есть живого в этом классе, и вы сможете организовать эти элементы, параллельно организации народных масс, как полезных союзников в денежном отношении или в

отношении пропаганды. Разумеется, вы не найдете тысячи таких; их недостаточно, чтобы можно было составить из них организованную силу; но число их достаточно, чтобы оказать вам ценную помощь в великом деле организации народной силы.

Ваша единственная армия, это народ, весь народ, как городской так и деревенский. Но как подойти к этому народу? В городе вам будут мешать Правительство, Consorteria, мадзинисты. В деревне вы встретите на своем пути попов. Однако, дорогие друзья, существует сила, способная победить все это. Это коллектив. Если бы вы были обособлены, если бы каждый из вас хотел действовать только по своему, вы были бы, конечно, бессильны; но, объединившись и организовав свои силы, – как бы незначительны они ни были вначале, – для единого совместного действия, руководимые общей мыслью, общим положением, стремящимся к общей цели, вы будете непобедимы.

Даже три человека, объединенных таким образом, образуют уже по моему, серьезное начало силы. Что будет, когда вам удастся организовать в вашей стране в числе нескольких сотен? А, конечно, в Италии найдется несколько сот умных, энергичных, преданных юношей, способных воспринять ваши идеи и полюбить и хотеть страстно то, что вы любите и хотите. И разве вы не видите, что они начинают уже показываться почти всюду в вашей стране? И, не правда ли, для того, чтобы разбудить их в большем числе, чтобы создать их в некотором роде, просвещая их мозг, чтобы искать и находить их, вы пишете свои газеты?. Так я клянусь вам, и вы сами это прекрасно знаете, что вы найдете их сотни в Италии, разумеется, с различной степенью умственных способностей, преданности, убеждения, энергии и активности. Несколько сот благорасположенных молодых людей не достаточно, конечно, чтобы составить революционную силу вне народа: это тоже иллюзия, которую надо оставить Мадзини; и Мадзини, по-видимому, сам замечает это ныне, раз он обращается непосредственно к рабочим массам. Но эти несколько сотен достаточно, чтобы организовать революционную силу народа.

Время великих политических личностей прошло. Когда дело шло о совершении политических революций, они были на своем месте. Политика имеет целью образование и сохранение государств; но «государство» означает господство с одной стороны и подчинение с другой. Крупные господствующие личности, стало быть, абсолютно необходимы в политических революциях; в социальной революции они не только бесполезны, они положительно вредны и несовместимы с самой целью, какую преследует эта революция, т. е. с освобождением масс.

Теперь в революционной деятельности, как и в труде, коллектив должен заменить личность. Знайте, что организовавшись, вы будете сильнее, чем все Мадзини и все Гарибальди в мире; и что взаимно вдохновляя друг друга и основывая все свои мысли, с одной стороны, на позитивной науке, на действительном наблюдении и без Бога, а с другой – на народной жизни во всей ее глубине, формулируя только ее инстинкты, вы будете обладать большим умом и большим гением, чем эти два великих человека прошлого. Вы будете думать, жить, действовать коллективно, что, впрочем, нисколько не помешает полному развитию умственных и нравственных способностей каждого. Каждый из ваших будет приносить вам свое сокровище и, объединившись, вы увеличите в сто крат вашу стоимость. Таков закон коллективного действия. Только две вещи будут решительно запрещены среди вас:

развитие тщеславия и развитие личного честолюбия, а, следовательно и интриги, являющейся всегда неизбежным результатом того и другого. Ко первых, подавая друг другу руку для общего действия, вы обещаете друг другу взаимную братскую поддержку, что будет для начала обязательством, некоторого рода свободным договором между серьезными, одинаково преданными, одинаково убежденными людьми. Приступая затем коллективно к деятельности, вы необходимо начнете практиковать это братство среди вас, и после нескольких месяцев непрерывной практики, это братство, которое вначале было только обещанием, договором, станет действительностью, вашей коллективной природой: и тогда ваш союз будет действительно неразрывен.

Разделившись на областные группы, вы начнете, посредством областных и местных организаций, проникать все шире и шире в народ. Вы будете сталкиваться с врагами, агентами префектов, священниками, мадзинистами; но зная; что вы объединены, зная, что ваши товарищи, рассеяние не только в Италии, но во всей Европе, делают то же, что и вы, что они смотрят на вас, приветствуют вас, поддерживают вас, любят, вы найдете в себе силы, о каких вы никогда бы и не воображали; если бы каждый из вас действовал индивидуально, как ему вздумается, а не после единогласного предварительно обсужденного и принятого решения. И, поверьте мне, вы тем легче одержите победу над всеми вашими противниками, что вы понесете в народ не слова, упавшие сверху именем божественного откровения или доктринерской политики, идеи, которые будут выражать не что иное, как его собственные инстинкты, его собственные стремления, собственные нужды.

И теперь же, на Римском съезде, если возможно и если есть еще время, вы должны устроить первое сражение. В ответ на предложения Мадзини вы должны смело выставить свои контрпредложения. Вы будете, вероятно, в меньшинстве; но пусть это не пугает вас, лишь бы это меньшинство было убежденно, сплочено и тем самым почтенно. Вы не найдете, конечно, лучшего случая, чтобы объявить свою программу Италии и Европе.

Ну, теперь, дорогие друзья, я кончил. Извините меня, если я наскучил вам: я хотел быть краток, но не сумел это сделать. Сюжет меня увлек. Но за то, вы имеете всю мою мысль целиком. Разберите ее, возьмите из нее то, что найдете подходящим, оставьте то, что вам неподойдет, и вы скажите мне, с такой же откровенностью, с какой я говорил вам, что вы думаете о ней, свое одобрение или свои возражения.

Только таким образом мы можем сговориться и образовать между собою свободный Союз.

Примечания

1 Письмо напечатанное в газете La Romade Popolo, от 12 октября 1871 г. и в Docere. От 15 октября 1871 г.

2 G. Mazzini, Agli operai italiani (Unita Italiana, от 23 июля 1871 г.)

3 В 1871 г. австралийские государства не занимали еще, как мы видим, европейских социалистов.

4 Налог на помол.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 мая 2025 14:13:36
■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 9 июня 2025 11:34:16